

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

**Институт стран Азии и Африки
Кафедра тюркской филологии**

**ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ
XXIX Международной научной
конференции «Дмитриевские чтения»**

1 октября 2021 года, Москва

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

11.00 – 12.20 – пленарное заседание (ауд. 167)

12.20 – 13.00 – фуршет (ауд. 167)

13.00 – 15.30 – работа по секциям (ауд. 167, 337)

15.30 – 16.00 – кофе-брейк (по секциям)

16.00 – 17.30 – работа по секциям (ауд. 167, 149, 337)

17.30 – 18.00 – подведение итогов конференции (ауд. 167)

18.00 – 19.00 – фуршет (ауд. 167)

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ (11.00 – 12.20, АУД. № 167)

Приветственное слово Председателя оргкомитета XXIX Международной научной конференции «Дмитриевские чтения», заведующего кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова д.ф.н., доц. М.М. Репенковой.

Представление научно-популярного издания «**Русская Армия в Галлиполи. К 100-летию Исхода (1920–1923)**» (авторы д. геогр. наук, проф. **Айдын Ибрагимов** и д. геогр. наук, проф. **Ведат Чалышкан**; Нижний Новгород: ООО «АП-Приволжье», 2021)

Выступление д.и.н., профессора кафедры международных отношений факультета экономических и гуманитарных наук Эгейского университета (г. Измир, Турция), почетного члена Русского географического общества **Айдына Ибрагимова (онлайн-участие)**

Валеев Рамиль Миргасимович – профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского федерального университета (г. Казань)

Кириллина Светлана Алексеевна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Валеева Роза Закариевна – к.п.н., доцент, зав. кафедрой Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань)

Василюк Оксана Дмитриевна – к.и.н., старший научный сотрудник
Института востоковедения им. А. Е. Крымского (г. Киев)

*Из истории московского центра тюркологии: Наследие А. Е. Крымского
и В. А. Гордлевского и их переписка*

Абидулин Алим Маратович – к.и.н., доцент кафедры восточных языков
и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

*Русские посольства о Константинополе XVIII: образ города и общества
на страницах травелогов*

Аверьянов Юрий Анатольевич – к.и.н., доцент, старший научный
сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва)

*Суфии-вегетарианцы (эйтиемезлер) в Османском государстве и проблема
индо-буддийского культурного влияния на суфизм*

Регламент выступления 20 минут

СЕКЦИЯ «ЛИНГВИСТИКА»

ЗАСЕДАНИЕ I (13.00 – 15.30, АУД. № 167)

Модератор: к.ф.н. Телицин Николай Николаевич

Боргоякова Татьяна Николаевна – к.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования РАНХиГС при Президенте РФ (г. Москва)

Особенности формы прошедшего времени на –ган и её производных в хакасском языке

Бурнакова Клара Николаевна – д.ф.н., доцент, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (г. Москва)

Многозначность и полифункциональность аналитических конструкций с бытийными глаголами в хакасском языке

Телицин Николай Николаевич – к.ф.н., зав. кафедрой тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Категория времени в древнеуйгурском языке

Дубровина Маргарита Эмильевна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Турецкие демонстрационные прономинативы как отражение деления в языке имен существительных на семантические подвиды

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – д.ф.н., профессор, заведующая отделом языкознания, научный руководитель Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, член-корреспондент АН РБ (г. Уфа)

Наименования персонажей обменыш / подменыш в башкирском языке

Юсупова Альфия Шавкетовна – д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета (г. Казань)

Деятельность Каюма Насыри по развитию татарской лексикографии

Лебедев Эдуард Евгеньевич – к.ф.н., старший научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)

О некоторых морфологических особенностях чувашского языка

Фомин Эдуард Валентинович – к.ф.н., доцент Чувашского государственного института культуры и искусств (г. Чебоксары)

Заимствование русских глаголов чувашским языком

Субраков Александр Дмитриевич – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра национальных проблем образования ФИРО РАНХиГС (г. Москва)

О соматической лексике хакасского языка (на материале героического сказания «Албынжи»)

Глашев Ахмед Алабиевич – аспирант кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Вопросы тюркологии» (г. Москва)

К вопросу об уточнении перевода некоторых древнетюркских памятников в свете данных карачаево-балкарского языка

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ II (16.00 – 17.30, АУД. № 167)

Модератор: к.ф.н. Напольнова Елена Марковна

Шаймердинова Нурила Габбасовна – д.ф.н., профессор кафедры тюркологии факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)

Словообразовательный потенциал аффиксов в древнетюркских рунических текстах (онлайн-участие)

Кожаметова Гульсара Амангельдиевна – аспирант Евразийского национального университета им. Л. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)

Kazakh anthroponyms derived from jewelry names (онлайн-участие)

Колпенова Асия Коттумбетовна – докторант Евразийского национального университета им. Л. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан)

Культурная коннотация фразеологизмов казахского и турецкого языков (онлайн-участие)

Мызников Сергей Алексеевич – д.ф.н., главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, чл.-корр. РАН (г. Москва)

О некоторых тюркизмах в финно-угорских языках

Кириллова Зоя Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета (г. Казань)

Наименования женских головных уборов у крещеных татар

Напольнова Елена Марковна – к.ф.н., старший преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Способы указания на положение объекта позади ориентира в турецком языке

Шенцова Ирина Витальевна – д.ф.н., доцент, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (г. Новосибирск)

Базовая лексика шорского языка. Чер 'земля'

Денмухаметова Эльвира Николаевна – к.ф.н., доцент Казанского федерального университета (г. Казань)

Словари синонимов в татарском языке

Закирзянова Гульфина Загфаровна – аспирант Казанского федерального университета (г. Казань)

Формирование и становление медицинской терминологии татарского языка на примере двуязычных словарей XIX века (онлайн-участие)

Фатхуллова Кадрия Сунгатовна – к.пед.н., доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета (г. Казань)

Онлайн-школа обучения татарскому языку как образовательная технология

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ III (16.00 – 17.30, АУД. №149)

Модератор: к.ф.н. Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна

Сахатова Гюльшен Сахатовна – д.ф.н., доцент Кипрского университета (г. Никосия, Кипр)

*О значении и модальных коннотациях частицы *tas* в туркменском языке (онлайн-участие)*

Атласова Элида Спиридоновна – к.ф.н., доцент Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ имени М.К. Аммосова (г. Якутск)

Лексика, связанная с терминами рыболовства в юкагирском языке (на примере языка тундровых юкагиров)

Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович – д.ф.н., профессор Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова, директор ЭКЦ «Ренессанс» (г. Каракол, Кыргызстан)

Модальные модификации как парадигматические формы простого предложения в уйгурском языке (онлайн-участие)

Псянчин Юлай Валиевич – д.ф.н., профессор, ученый секретарь ГБУ «Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан» (г. Уфа)

Лексика пчеловодства в диалектах и говорах башкирского языка

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Татары Афганистана: языковая ситуация и перспективы

Рахимов Довлетмырат Мухамметбердиевич – преподаватель Туркменского государственного университета имени Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

Концепты «счастье» и «время» в туркменском и русском языках: лингвокогнитивный подход (онлайн-участие)

Нурыева Огулсапар Атаевна – к.ф.н., старший научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули АН Туркменистана (г. Ашхабад, Туркменистан)

Слова «кудук» и «гуйы» в туркменском языке (онлайн-участие)

Порхомовский Михаил Викторович – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Принципы знакомства носителей турецкого языка

Йылмаз Мехтап – к.ф.н., старший преподаватель Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Неологизмы в современной турецкой рекламе

Верхова Ксения Александровна – аспирант, переводчик кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Каузальность в языке турецкой прессы: диахронический аспект

Алексеева Ольга Андреевна – аспирант кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Пунктуационные особенности турецкого новостного медиатекста

Регламент выступления 15 минут

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

ЗАСЕДАНИЕ IV (13.00 – 15.30, АУД. № 337)

Модератор: д.ф.н. Репенкова Мария Михайловна

Пылёв Алексей Игоревич – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии восточного факультета СПбГУ (г. Санкт-Петербург)

Об освоении идей и образов суфизма тюркской мусульманской поэзией XI–XII вв.

Сыздыкова Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Ходжа Ахмет Ясави и его место в истории и культуре Казахстана

Ахмедова Шоира Нематовна – д.ф.н., профессор Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Новый взгляд на творчество узбекского драматурга XX в. Хамзы

Кадирова Насима Саидбурхоновна – к.ф.н., преподаватель Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Научно-литературное мышление и проблема стиля (на примере творчества И. Хаккуля)

Халлиева Гулноз Искандаровна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы Узбекского государственного университета мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

«Лисан ут-тайр» («Язык птиц») Алишера Навои в интерпретации Е.Э. Бертельса (онлайн-участие)

Алиева Алла Ивановна – д.ф.н., профессор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

А.П. Берже (1828–1886) – первый в истории российского академического кавказоведения исследователь тюркских народов Кавказа (онлайн-участие)

Хаджиева Танзиля Мусаевна – к.ф.н., ведущий научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы РАН (г. Москва)

Появление и уход нартов с земли в карачаево-балкарской «Нартиаде»

Аникеева Татьяна Александровна – к.ф.н., старший научный сотрудник, руководитель Центра исламских рукописей Института востоковедения РАН (г. Москва)

Памятники тюркской традиционной словесности в рукописях 19–20 вв. из фонда Каракалпакского Института гуманитарных наук ОАн РУз (Нукус, Узбекистан)

Регламент выступления 15 минут

ЗАСЕДАНИЕ V (16.00 – 17.30, АУД. № 337)

Модератор: к.ф.н. Софронова Лариса Владиславовна

Караджа Бирсен – д.ф.н., профессор Анкарского университета (г. Анкара, Турция)

The Transfer Problems Experienced in the Processes of Translation into Turkish (Transcription and Transliteration Problems Encountered in Translations from Russian and Armenian to Turkish) (онлайн-участие)

Камалова Шахназ Новруз кызы – преподаватель Viva Lingua Club (г. Санкт-Петербург)

Роман азербайджанского писателя Эльчина Гусейнбейли «Шаги командора, или 141-й Дон Жуан»

Жоламанова Елена Ильясовна – к.ф.н., старший преподаватель гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Кыргызстан)

Индивидуально-авторская метафорика в художественном дискурсе Ч. Айтматова (онлайн-участие)

Учгюль Севинч – д.ф.н., профессор Университета Эрджиес (г. Кайсери, Турция)

Суриков Кирилл – магистрант Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Г.Р. Державин: ретроспективный взгляд на страницы первой в Турции книги по истории русской литературы авторства О. Лебедевой

Репенкова Мария Михайловна – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Сюжетно-композиционные особенности романа А. Умита «Самый лучший старший брат Бейоглу» (2013)

Софронова Лариса Владиславовна – к.ф.н., доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России (г. Москва)

Отражение мировоззренческих установок Семы Кайгусуз в произведении «Меланхолик»

Каменева Ольга Николаевна – тьютор Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ (г. Москва)

Художественное своеобразие сборника рассказов Серай Шахинер «Один:один»

Оганова Елена Александровна – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

О художественных особенностях пьесы Бехича Ака «Город для одного» (Tek kişilik şehir)

Регламент выступления 15 минут

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ОРГКОМИТЕТА
XXIX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

ДОРОГИЕ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ!

Мы рады приветствовать вас в стенах Московского университета, организующего уже более двух десятков лет эту международную конференцию. Мы вам искренне признательны за то, что вы откликнулись на наше предложение и принимаете участие в нашем научном форуме. Нынешний 2021 год также оказался очень непростым для тюркологического сообщества: многие конференции проходили в онлайн-формате, а некоторые и вовсе откладывались до лучших времен. Тем не менее, мы изыскали возможности провести конференцию очно, чему несказанно рады.

Работа конференции, как обычно, осуществляется в двух секциях: лингвистики и литературоведения/культурологии. Число заявок тех, кто пожелал принять участие в конференции, в этом году продемонстрировало рекордные цифры. Расширилась и «география» докладчиков, которые представляют ведущие тюркологические центры Российской Федерации, стран СНГ и дальнего зарубежья. Среди докладчиков в этом году отмечаются представители ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Института востоковедения РАН, Института мировой литературы РАН, Института славяноведения РАН, Института классического Востока и античности Высшей школы экономики, Дипломатической академии МИД России, Московского городского педагогического университета, Федерального института развития и образования РАНХиГС при Президенте РФ, Восточного факультета СПбГУ, Казанского Приволжского федерального университета, Института филологии и межкультурной коммуникации имени Л. Толстого Казанского

Приволжского федерального университета, Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Чувашского государственного института гуманитарных наук, Чувашского государственного института культуры и искусств, Башкирского научно-исследовательского центра по пчеловодству и апитерапии, Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Иссык-кульского государственного университета имени Касыма Тыныстанова (Кыргызстан), Кыргызо-турецкого университета Манас (Кыргызстан), Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан), Туркменского государственного университета имени Махтумкули (Туркмения), Узбекского государственного университета мировых языков (Узбекистан), Бухарского государственного университета (Узбекистан), Института востоковедения АН имени А.Е. Крымского (Украина), Эрджиевского государственного университета (Турция), Кипрского университета (Кипр).

Тематика заявленных докладов достаточно широка. В лингвистической секции преобладают доклады по тюркской лексикологии: «Лексика, связанная с терминами рыболовства в юкагирском языке» (Э.С. Атласова), «Формирование и становление медицинской терминологии татарского языка на примере двуязычных словарей XIX в.» (Г.З. Закирзянова), «Неологизмы в современной турецкой рекламе» (М. Йылмаз), «Наименование женских головных уборов у крещеных татар» (З.Н. Кириллова), «О некоторых тюркизмах в финно-угорских языках» (С.А. Мызников), «Способы указания на положение объекта позади ориентира в турецком языке» (Е.М. Напольнова), «Лексика пчеловодства в диалектах и говорах башкирского языка» (Ю.В. Псянчин), «Концепты “счастье” и “время” в туркменском и русском языках: лингвокогнитивный подход» (Д.М. Рахимов), «О соматической лексике хакасского языка (на материале героического сказания “Албынжи”» (А.Д. Субраков), «Наименования персонажей обменаш/подменаш в башкирском языке» (Ф.Г. Хисамитдинова).

Значительное место занимают доклады, посвященные грамматико-морфологическим особенностям тюркских языков: «Функционально-семантические особенности формы прошедшего времени на –ган и ее производных в хакасском языке» (Т.Н. Боргоякова), «Многозначность и полифункциональность аналитических конструкций с бытийными глаголами в хакасском языке» (К.Н. Бурнакова), «Турецкие демонстрационные прономинативы как отражение деления в языке имен существительных на семантические подвиды» (М.Э. Дубровина), «О некоторых морфологических особенностях чувашского языка» (Э.Е. Лебедев), «О значении и модальных коннотациях показателя *tas* в туркменском языке» (Г.С. Сахатова), «Заимствование русских глаголов в чувашском языке» (Э.В. Фомин), «Словообразовательный потенциал аффиксов в древнетюркских рунических текстах» (Н.Г. Шаймердинова). Тюркскому синтаксису посвящены доклады: «Модальные модификации как парадигматические формы простого предложения в уйгурском языке» (С.Н. Абдуллаев), «Пунктуационные особенности турецкого новостного медиатекста» (О.А. Алексеева), «Каузальность в языке турецкой прессы: диахронический аспект» (К.А. Верховая), «Культурная коннотация фразеологизмов казахского и турецкого языков» (А.К. Колпенова). Есть несколько докладов, которые написаны на стыке лингвистики, переводоведения, культурологии и педагогики: «К вопросу об уточнении перевода некоторых древнетюркских памятников в свете данных карачаево-балкарского языка» (А.А. Глашев), «Татары Афганистана: языковая ситуация и перспективы» (Т.В. Лосева-Бахтиярова), «Онлайн-школа обучения татарскому языку как образовательная технология» (К.С. Фатхуллова).

Широкий диапазон тем демонстрируют литературоведческие и культурологические доклады. Тематика культурологических докладов следующая: «Суфии-вегетарианцы в османском государстве и проблема индo-буддийского культурного влияния на суфизм» (Ю.А. Аверьянов), «Памятники тюркской традиционной словесности в рукописях XIX–XX вв. из фонда

Каракалпакского института гуманитарных наук ОАН РУЗ» (Т.А. Аникеева), «Г.Р. Державин: ретроспективный взгляд на страницы первой в Турции книги по истории русской литературы авторства О. Лебедевой» (С. Учгюль, К. Суриков). Литературоведческие доклады по большей части посвящены творчеству современных турецких авторов и тюркоязычных прозаиков: «Индивидуально-авторская метафорика в художественном дискурсе Ч. Айтматова» (Е.И. Жоламанова), «Научно-литературное мышление и проблема стиля (на примере творчества И. Хаккуля)» (Н.С. Кадирова), «Роман азербайджанского писателя Эльчина Гусейнбейли “Шаги Командора, или 141-й Дон Жуан”» (Ш.Н. Камалова), «Художественное своеобразие сборника рассказов Серай Шахинер “Один:один”» (О.Н. Каменева), «О художественных особенностях пьесы Бехича Ака “Город для одного”» (Е.А. Оганова), «Сюжетно-композиционные особенности романа Ахмета Умита “Самый лучший брат Бейоглу”» (М.М. Репенкова), «Отражение мировоззренческих установок Семы Кайгусуз в произведении “Меланхолик”» (Л.В. Софронова), «”Лисан Ут-тайр” (Язык птиц) Алишера Навои в интерпретации Е.Э. Бертельса» (Г.И. Халлиева). Привлекает внимание и доклад по фольклористике «Появление и уход нартов с земли в карачаево-балкарской “Нартиаде”».

Большое количество докладов и их разнообразная проблематика свидетельствуют об интенсивном развитии тюркологической науки в наше время. Активное участие тюркологического сообщества в Международной конференции «Дмитриевские чтения» подтверждают ее высокий статус в вузовской и академической среде.

Желаем всем участникам конференции больших творческих успехов!

ЛИНГВИСТИКА

Абдуллаев С.Н. (д.ф.н., ИГУ, г. Каракол, Кыргызстан)

МОДАЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ КАК ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Под модификациями простого предложения нами будут подразумеваться видоизменения модели предложения с темпоральными, фазисными и модальными значениями. К их числу относятся модальные модификации в уйгурском языке, синтаксическая семантика которых несет в себе экспрессивно-эмоциональные оттенки смысла. Обратимся к моделям:

(1) N1 – Vf (ким/нимэ нимэ қиливатиду)

(2) N1 – Adj/Adv Cop (ким/нимэ қандақ)

Қизлар ухлаватиду ‘Девушки спят’

Бина егиз ‘Здание высокое’

При образовании модальной модификации простого предложения изменения происходят в морфологической структуре сказуемого. Эти изменения являются трансформациями именно синтаксического порядка, поскольку в уйгурском они обуславливают коренную перестройку структуры всего предложения. Указанные выше модели принимают следующий вид:

(1) N2 – Vf-ган//лиқ/4/ (кимниң/ниминиң нимэ қилганлиги/ни/)

(2) N2 - Adj/Adv Cop//лиқ4 (кимниң/ниминиң қандақлигини)

Глагольное сказуемое получает форму причастия на *-ган* и/или *-ватқан*, субстантивирующий аффикс *-лиқ*, аффикс принадлежности *и*, спорадически, аффикс винительного падежа (винительный эмотивный). Именные сказуемые в составе модальных модификаций простого предложения оформляются двояко: либо сами непосредственно принимают целую цепочку морфем, а именно, аффикс *-лиқ*, лично-притяжательный аффикс *и* и показатель

винительного падежа; либо выступают в сочетании со связками, которые принимают на себя перечисленные аффиксы. Примеры:

Алмилар чирайлиқ пишипту ‘Яблоки красивыми созрели’

Алмиларниң чирайлиқ пишқанлигини! ‘Ох, и красивыми созрели яблоки!’

Чокан вападар ‘Молодая женщина верная’

Чоканниң вападарлигини! ‘Ну и верная же молодая женщина!’

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТУРЕЦКОГО НОВОСТНОГО МЕДИАТЕКСТА

В докладе рассматриваются основные пунктуационные особенности в теле и в заголовке турецкого новостного медиатекста и делаются следующие выводы.

1. Точка, вопросительный и восклицательный знаки.

В теле новостного сообщения: точка используется для разделения предложений между собой, а также может завершать прямую речь, в этом случае она ставится перед закрывающими двойными кавычками. Вопросительный и восклицательный знаки в теле новостного сообщения не употребляются.

В заголовке: точка в заголовках не используется. Восклицательный и вопросительный знаки являются наиболее часто встречающимися знаками препинания, что объясняется рекламной функцией заголовков. Данные знаки встречаются в заголовках газет, но не употребляются в заголовках информационных агентств.

2. Кавычки.

В теле новостного сообщения: двойные и одинарные кавычки используются для оформления прямой речи: двойные кавычки – для полного цитирования прямой речи, одинарные – для неполного цитирования, однако данная закономерность может нарушаться.

В заголовке: одинарные кавычки употребляются для оформления цитат.

3. Скобки, двоеточие, многоточие.

В теле новостного сообщения: скобки используются для введения аббревиатур и пояснений к словам и словосочетаниям. Двоеточие употребляется только для введения прямой речи после указательных

местоимений *şu* и *şöyle*. Многоточие в теле турецкого новостного сообщения не используется.

В заголовке: двоеточие обозначает причинно-следственную связь, пояснения. Многоточие используется в сочетании со словами типа *son dakika* ‘срочная новость’, *şok* ‘шок’, *flaş* ‘экстренная новость’ и т. п. и, как правило, служит усилению эмоциональности высказывания; многоточие встречается в заголовках газет, но не употребляется в заголовках информационных агентств. Скобки в заголовках, как правило, не используются.

4. Запятая и точка с запятой.

В теле новостного сообщения: запятая употребляется для выделения подлежащего главного и придаточного предложений, вводных оборотов, ссылок на источник информации. В то же время наблюдаются случаи регулярного нарушения правил пунктуации относительно использования запятой, ставшие чертой языка турецких СМИ. Для выделения подлежащего, особенно в предложениях с большим количеством однородных членов, ссылок на источники информации и частей предложения, являющихся важными с точки зрения автора новости, может также использоваться точка с запятой, однако такие случаи являются единичными.

В заголовке: запятая может выделять подлежащее. Точка с запятой в заголовке не употребляется.

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ТЕРМИНАМИ РЫБОЛОВСТВА В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ)

Доклад посвящен исследованию терминов рыболовства в юкагирском языке, рассмотренных на материале языка тундровых юкагиров Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия). Анализ собранного полевого материала позволил сделать следующие выводы. Рыбная ловля является одним из самых древних занятий человека. Область лексики, связанной с рыболовством, охватывает как названия рыб, так и названия рыболовных снастей, способов лова и пищи юкагиров.

Лексика рыболовства составляет в юкагирском языке значительный пласт словарного состава. Рыболовный промысел, будучи одним из самых древних занятий юкагирского этноса, определял во многом его бытовой уклад и общественную жизнь, а соответствующая лексика отражает эту сторону общественного бытия в его историческом становлении и развитии. Для тундровых юкагиров рыба – более важная и доступная пища, чем мясо. Этому способствует наличие таких рек, как Колыма, Индигирка, Алазея, и множества озер, изобилующих разнообразной рыбой. Рыба составляет основной продукт питания юкагиров Олеринской тундры. Перечислим название некоторых известных рыб: *муоха* ‘чир, муксун’, *нунгэ* ‘нельма’, *сокуор* ‘сиг’, *лимха* ‘пелядь’, *ньуодьийэ* ‘голец’, *угурчэ* ‘хариус’, *умуйэ* ‘щука’, *косьльэ* ‘налим’.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ НА -ГАН И ЕЁ ПРОИЗВОДНЫХ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из классифицирующих признаков, который отличает хакасский язык от языков огузской группы и определяет его место среди близкородственных тюркских языков Южной Сибири, относящихся к кыпчакским языкам, является форма на *-ган*. Данная форма вызывает интерес тем, что она является одной из главных хакасских временных форм, функционально-семантические характеристики которой требуют существенных уточнений. Особого внимания заслуживают и хакасские вторичные формы, имеющие в своей структуре элемент *-ган*, ввиду недостаточной изученности их структуры и функционально-семантических характеристик. Все это определяет актуальность темы исследования.

Объектом исследования являются временные формы хакасского языка. Предметом исследования являются форма прошедшего времени на *-ган* и её производные формы, такие как *-чатхан*, *-иган* и *-галах*.

Целью данного исследования является выявление базового значения анализируемых форм и определение их места в функционально-семантическом поле прошедшего времени. В связи с этим предполагается решение следующих задач: выявить структурные особенности всех форм прошедшего времени, имеющих в своем составе элемент *-ган*; определить базовое значение каждой формы и в соответствии с ним уточнить названия временных форм; провести анализ функций рассматриваемых форм и определить их место внутри функционально-семантического поля прошедшего времени.

В структурном отношении прошедшее время является самым сложным, состоящим из восьми синтетических форм. Прошедшее время на *-ган* является ведущей формой, которая вместе с другими производными от неё формами

прошедшего времени на *-чатхан*, *-изан* и на *-галах*, образует единый комплекс взаимодействующих и взаимодополняющих средств выражения действий и состояний, имевших место в прошлом. В процессе анализа функционально-семантических характеристик все множество временных форм распределилось по следующим группам: а) формы с собственно временным значением; б) формы с видовременным значением; в) формы с модально-временным значением.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С БЫТИЙНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Глагольные аналитические конструкции (далее – ГАК) с вспомогательными глаголами активно изучаются с середины прошлого столетия на материале разных тюркских языков. В тюркологии первой обобщающей монографией, посвященной исследованию аналитических образований тюркского глагола, следует считать фундаментальное исследование А.А. Юлдашева, в котором автор теоретически осмыслил и систематизировал всё многообразие тюркских глагольных аналитических образований. Аналогичные исследования были проведены и представлены в виде завершеного исследования на материале татарского, казахского и др. тюркских языков.

Появление сравнительно-сопоставительных работ, в которых значительное место отводится функционально-семантической и структурно-семантической характеристике ГАК, способствовало оживлению исследований данных конструкций в новом направлении. В числе подобных трудов особо выделяются научные исследования Д.М. Насилова. Под влиянием подобных исследований, нацеленных на системное функционально-семантическое изучение глагольных аналитических образований, появились работы, описывающие ГАК на материале языков Южной Сибири. Однако многие проблемы аналитических образований остаются ещё неразработанными, а также противоречивыми, что обусловлено наличием разнообразных семантико-грамматических типов глагольных аналитических образований.

Хакасский язык имеет более десятка вспомогательных глаголов, активно участвующих в образовании бивербальных и многокомпонентных глагольных

аналитических конструкций с разнообразными грамматическими значениями, требующими специального изучения. В данном исследовании рассматриваются ГАК с бытийными глаголами, а именно сочетания соединительного деепричастия на *-n/-ын/-in* с бытийными глаголами *чат* 'лежать', *одыр* 'сидеть', *тур* 'стоять', *чөр* 'ходить'. Для выявления многозначности и полифункциональности хакасских ГАК с указанными бытийными глаголами предлагается: систематизировать функционально-семантические особенности каждой ГАК; выявить их семантические и функциональные особенности; проследить характер внутренней связи компонентов в составе аналитических конструкций; проанализировать принципы взаимодействия ГАК с бытийными глаголами в функционально-семантическом поле. Материалом исследования послужили фразы, извлеченные из хакасской художественной и публицистической литературы, а также из живой разговорной речи носителей языка. Роль глагольных аналитических образований в грамматическом строе хакасского языка очень велика, поскольку на базе одних и тех же бытийных глаголов деепричастного типа образованы: формы настоящего времени; ГАК, выражающие аспектуальное значение; ГАК, имеющие сложную семантическую структуру, в которой сочетаются несколько грамматических значений.

КАУЗАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ ТУРЕЦКОЙ ПРЕССЫ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Семантическая категория каузальности в языке является отражением онтологической категории причинности и включает в себя широкий спектр значений, передающих причинно-следственные отношения. В синтаксисе турецкого сложного предложения категория каузальности выражается различными языковыми средствами – морфологическими, лексическими и лексико-синтаксическими, рассмотрению которых и посвящен данный доклад.

Материалом для предпринятого исследования послужили образцы текстов турецкой печатной и электронной прессы второй четверти XX в. и первой четверти XXI в., что позволило проследить динамику использования средств выражения причинно-следственных отношений в диахроническом аспекте.

В результате исследования выявлено значительное снижение частотности употребления сложных предложений, передающих причинно-следственное значение, что может быть обусловлено влиянием западноевропейского (в частности, английского) синтаксиса, для которого не характерно эксплицитное выражение каузальности. В современном турецком языке наблюдается отход от использования лексико-синтаксических средств выражения причинности, содержащих указание на темпоральность, а также увеличение частотности конструкций с семантикой следствия. Наиболее характерным средством выражения условия в языке турецкой прессы XXI в. является использование вводных слов и союзов, при этом отмечается тенденция к их употреблению в качестве логических связок между самостоятельными предложениями.

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Переводы тюркоязычных письменных памятников X–XV вв. на древнеуйгурском и чагатайском языках нуждаются в уточнении. Это становится очевидным, если привлечь ресурсы карачаево-балкарского языка. Так, в гл. 3 «Древнетюркской гадательной книги» словосочетание *qara quş* SOK:ARK всеми переводчиками (Малов, Стеблева, Текин и др.) переведено не совсем точно как ‘беркут’. Между тем изучение духовной культуры древних тюрков позволяет скорректировать этот перевод: *qaraqıuş* ‘Симург’, ‘Анкар’, ‘Хумай’, ‘священная птица’, ‘райская птица’, что мы и находим в чагатайском языке. Обоснованность такого исправления подкрепляется и материалами карачаево-балкарского языка, где *qara quş* – гигантский мифический орел, представляющий добрые силы и помогающий людям, а Анкар – мифический гигантский орел, участвующий в сотворении мира. Ни один из переводчиков не смог правильно перевести словосочетание *täñrilig qurıya* eGTRuK:gilirht в гл. 47: ‘небесная (т.е. полуживая, близкая к смерти) старуха’ (Малов), *a devout old woman* ‘набожная, благочестивая старуха’ (Текин), *vieille femme divine* ‘божественная старуха’ (Жан-Поль Ру). При этом, Ж.-П. Ру в обоснование своего варианта ссылается на перевод им и рядом других авторов слова *täñri* как ‘божественный’ (*täñri elim*). Из его рассуждений видно, что он также отрывает «İrq Bütik» от манихейской культуры, что заведомо ведет к неточному переводу. И.В. Стеблева, в свою очередь, как и С.Е. Малов, предложила ‘небесная (благочестивая?) старуха’, но сомневалась в правильности перевода, поставив вопросительный знак к слову ‘благочестивая’ в скобках. Слово *täñrilig* в манихейских текстах означает ‘божественный дом’, т.е. ‘манихейский храм’. Интересно, что Габен

переводит *täŋrilik* как *Götzen-tempel* ‘храм идолов’, т.е. ‘языческий храм’. Не позволяет принять версии Малова, Ру и Стеблевой также фраза *jurtda qalmuŝ* ‘осталась в поселении (монастыре)’, следующая после слова *qurtya*. Таким образом, в этом отрывке речь, скорее всего, идет о жрице, служительнице культа, выполнявшей важные функции в тюркско-манихейской общине. В карачаево-балкарском языке *kurtxa* передает значения ‘старуха-ведунья’, ‘вещунья’ > *къарт куртха* ‘знахарка’. С приходом ислама это слово приобрело несколько негативный оттенок и стало синонимом слова ‘колдунья’, в то время как в старых текстах нартского эпоса оно еще сохранило древнее значение: «*Куртха Сатанай* взял (он) в жены. Поведал ей о бесчинствах Фука», – говорится о главном герое эпоса Ерюзмеке.

ТУРЕЦКИЕ ДЕМОНСТРАЦИОННЫЕ ПРОНОМИНАТИВЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОДВИДЫ

В ходе анализа турецких речевых высказываний исследователь начинает обращать внимание на интересные с точки зрения не носителя турецкого языка факты употребления демонстрационных прономинативов. Речь идет, прежде всего, об указательных местоимениях, которые используются в предложениях, типа: «**Это** что?» – «**Это** шкаф». В турецком языке можно выделить три базовых указательных местоимения: *bu*, *o*, *şu*, которые могут выступать как в субстантивной функции (1), так и в атрибутивной (2).

1. ***Bu kitap***. ‘**Это** – книга’.

2. ***Bu kitap ilginç***. ‘**Эта** книга – интересная’.

В турецком языке эти местоимения в субстантивной функции являются выразителями не только своих первичных языковых значений – опосредованно указывать на некий денотат, но и несут в себе информацию, позволяющую коммуникантам определить принадлежность называемого предмета к той или иной семантической группе предметов.

Так, для передачи значения ‘это’ кроме местоимения *bu* можно употребить также однокоренное местоимение *burası*, (см. также *orası*, *şurası*).

3. ***Bu ne?*** – ***Bu dolar***. ‘Это что? – Это шкаф’.

4. ***Burasi ne?*** – ***Burasi oda***. ‘Это что? – Это комната’.

Благодаря анализу указательных местоимений в турецком языке становится возможным выделить в отдельную группу имена существительные с так называемой *пространственной* семантикой. Это лексемы, которые означают любые «места» и «пространства», среди которых наименования: 1) всех помещений внутри зданий, 2) всех типов зданий с их специализацией (музей, почта, вокзал, аптека и т.д.), а также 3) объектов внутри города (улица,

проспект, площадь, сквер, бульвар, перекресток), 4) населенных пунктов, в том числе сами названия городов и стран; а также 5) лексемы со значениями любых географических объектов.

ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ XIX ВЕКА

Двуязычные татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. служат ценным источником для изучения развития и изменения медицинской терминологии в татарском языке. В каждом словаре имеет место лексика, именуемая органы, заболевания, состояние здоровья человека и иллюстрирующая язык исследуемого периода.

Объект исследования – лексика, относящаяся к сфере здравоохранения и медицины.

Предмет исследования – характеристика медицинской лексики, представленной в двуязычных словарях XIX в., в сравнительно-историческом и функционально-семантических аспектах.

Основные направления исследования:

- определение места медицинских терминов в двуязычных словарях XIX в.;
- разделение лексики, относящейся к сфере здравоохранения, на тематические группы и подгруппы;
- исследование происхождения медицинских терминов;
- анализ областей и сфер применения исследуемой лексики;
- изучение медицинской терминологии с точки зрения активности использования;
- анализ анатомических терминов как отдельной группы лексической системы языка и их изучение в функционально-семантическом и сравнительно-историческом аспектах.

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ

В докладе анализируется использование неологизмов в рекламных текстах на материале турецкого языка. На данный момент использование неологизмов в текстах рекламы в масс-медиа мало изучено как на материале русского, так и на материале турецкого языков.

Рекламные тексты имеют ряд особенностей, отличающих его от любого другого вида текста. Основными целями рекламы является ознакомление потенциального потребителя с самим продуктом, его качествами, особенностями, побуждение попробовать и далее потреблять продукт, а также формирование лояльности аудитории. Таким образом, предполагается, что рекламный текст должен привлечь внимание, вызвать интерес и желание купить, а также стимулировать к действию, то есть покупке.

Сам язык рекламы близок к разговорной речи: здесь может допускаться намеренное нарушение грамматических норм, используется разговорная лексика, игра слов, простой синтаксис. Кроме того, важным приемом конструирования рекламных слоганов является использование неологизмов, которые способствуют емкости, яркости и красочности речи. В рекламных текстах с помощью неологизмов формируются нужные образы и достигается краткость слоганов.

Неологизмы можно разделить на языковые и индивидуально-авторские, лексические и семантические. В проанализированных нами примерах в основном встречаются индивидуально-авторские неологизмы. Что касается способа образования, то в большинстве случаев используется суффиксация, а также популярно словосложение. Активность использования суффиксации объясняется тем, что турецкий язык является агглютинативным и суффиксация является одним из основных способов словообразования не только в рекламе.

Разберем несколько примеров суффиксального образования неологизмов, являющихся глаголами: слоган производителя чипсов *Sen de Cheetosla!*, мебельная компания «Mondi» использует свое название для образования глагола *Evini mondile, hayatı yenile*, производитель соломки «Eti Crax» *Akrabaları Crax'ladık; Crax'ladık, eğlenceye çevirdik*, в рекламе маршмеллоу «Eti Puf» используется глагол, образованный от названия бренда, *puf puf pufuyor*, производитель ополаскивателей «Vernel» использует свое название для образования глагола *Vernelleyin yumuşacık olsun, vernelleyin mis gibi koksun!*, так же как и производитель средства для мытья посуды «Mintax»: *Mintaxla canım Mintaxla*.

Также нам встретился пример словосложения в рекламе «Eti Balık Kraker»: *Haydi peynirizasyon tüneline!* и несколько случаев использования названий бренда в качестве разных частей речи: название шоколада «Halley» в качестве существительного *herkese bi halley oluyo*, название бренда текстиля «LC Waikiki» как междометие *Hayat sana Waikiki vay vay* и название шоколада «Olala Bold» в качестве наречия: *bold yaşa!*

Анализ текстов рекламы позволяет сделать вывод о том, что неологизмы используются компаниями для создания уникального имиджа продукта, его узнаваемости, а также для емкости слогана, что в итоге привлекает внимание потребителя.

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ У КРЕЩЕННЫХ ТАТАР

Женские головные уборы у крещеных татар делятся на те, которые носили девушки до брака, и те, которые надевали замужние женщины. К первым относятся калфак, такыя, ко второй – мэлэнчек, сүрэкэ, ак яулык, түгэрэк яулык, тастар, кашпау и др.

Девичий калфак представлял собой вид длинного колпака, который надевался на голову, а конец откидывался назад или набок. Девушки молькеевских кряшен в праздничные дни надевали монетную шапочку такыя. Такыя / тухъя как девичий головной убор бытовала у низовых чувашей, башкир и среди финнов Поволжья – мари, удмуртов и бесермян.

Традиционные головные уборы замужних женщин разнообразны и сложны. В отличие от девичьих, они должны были полностью закрывать волосы, поэтому включали волосник – мэлэнчек. Поверх волосника повязывали покрывало сүрэкэ, которое представляет собой сложный убор: имеет налобник (маңгайча), «крылья» (канатлар) и «хвост» (койрык) из кумача или темного бархата. Завершающую часть представлял платок-чалма сүрэкэ яулыгы. Одним из его разновидностей является ак жаулык. Как показывает само название (в переводе на русский язык “белый платок”), его шили из белого домотканого полотна, концы которого украшались древней “двухслойной” вышивкой. Оригинальным головным платком кряшенок также является түгэрэк жаулык. Хотя его название переводится на русский как “круглый платок”, он имеет прямоугольную форму и шьется из белого домотканого полотна на темной подкладке из фабричной ткани.

Рассмотрев основные головные уборы у кряшен, можно сделать вывод о том, что они представляют собой древний элемент одежды тюркских народов Среднего Поволжья и Урала. Аналоги таких головных уборов обнаруживаются у удмуртов, марийцев и других народов.

KAZAKH ANTHROPONYMS DERIVED FROM JEWELRY NAMES

The study of national cultures through the language is an urgent problem today as the worldview, lifestyle and culture of people are preserved in the language. Anthroponyms can also reflect the spiritual, material and cultural life of the people. Jewelcrafting is one of the most ancient and recently revived jobs of the Kazakh people. The Kazakh anthroponyms associated with the jewelry names have cultural distinction and specific features. The anthroponyms from the jewelry names in the Kazakh language are mostly female names. They are descriptive, desiderative, commemorative names.

The Kazakh anthroponyms from jewelry names have root and synthetic and analytical forms. The compound anthroponyms are formed by adding the ancient Turkic anthroponym components *ai, ak, er, gul*.

The suffixes *-ly, -ty* of Turkic (*Tekali*) and Kazakh (*Shieli*) place names with the meaning of possession and presence are also found in derivative anthroponyms from jewelry names as *Syrgaly, Monshakty*.

The tradition of hiding the name or an intra-family name of the ancient Turks is still preserved in the Kazakh language. The diminutive names are formed by adding the endings of belonging *-m, -ym, -im*. These names appeared in connection with the traditions and ethnocultural processes, derived from the figurative expressions, and became part of the Kazakh anthroponyms later.

КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАЗАХСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Коннотационный смысл, имеющий этнокультурную характеристику, в структуре значения фразеологических единиц является не дополнительным, а обязательным и основным элементом, т.к. образная основа фразеологизмов формируется на основе национально-культурного мировоззрения. Например: фразеологический образ в фраземах *жеті атасын мал өлтірген* ‘корыстолюбивый человек’, *жагасы жайлау, төбесі қыстау* ‘жизнь без бед и печали, обеспеченный’, *бес биенің сабасындай* ‘крупный, полный’, *бесік табы кетпеген* ‘молодой, молоко на губах не обсохло’, выраженный в значениях выражений *жеті ата, жайлау, қыстау, саба, бесік* имеет культурное коннотационное значение, свойственное только казахскому народу. А в устойчивых словосочетаниях на турецком языке *ballı börek* «çok lezzetli, çok tatlı» ‘очень вкусный, очень сладкий’, *baklava dilimi gibi* ‘как кусочек пахлавы’ коннотация обусловлена названиями национальных блюд, что придает фразеологизмам национально-культурный колорит.

Во фразеологизмах находят выражение значимые национальные обряды, обычаи и традиции. Например: *еншісі бөлек, ені басқа* ‘совершенно разное, неподходящее’. У казахов существует обычай выделять повзрослевшим детям все имущество, необходимое для создания ими собственного дома, именуемый «енші беру». В турецком языке имеется фразема *el etek örtmek* «1. Bir işi yaptırmak için çok yalvarmak. 2. Yaltaklanmak», ‘1. Молить кого-то сделать что-либо. 2. Подмазываться, льстить’, связанная с турецким обычаем в знак уважения к старшему целовать его руку и подносить ее себе ко лбу.

О НЕКОТОРЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Будучи языком тюркской группы, чувашский язык в целом сохранил в своей грамматической структуре все основные особенности тюркских (агглютинативных) языков несмотря на то, что в данной группе он занимает особое положение. Но наряду с этим в чувашском языке имеются и некоторые интересные расхождения с другими языками этой группы, часть из которых, вполне возможно, была заимствована из языков других генеалогических групп (например, финно-угорских), а часть стала результатом его длительного автономного развития. Целью нашего сообщения является сделать краткий обзор подобных морфологических особенностей, вызывающих интерес с точки зрения общей теории тюркского языкознания.

К наиболее явным и необычным, с точки зрения других тюркских языков, особенностям чувашского языка относятся следующие: наличие особой грамматической категории выделения, конституируемой двумя аффиксами *-и* и *-скер*, краткая и полная форма имени числительного, формы отрицания, выражаемые частицами *ан* и *мар*, наличие особых падежных форм, аффикс множественного числа *-сем*, наличие некоторых особых форм причастий и деепричастий, особые случаи сочетания аффиксов и др. В нашем обзоре мы постарались выявить наиболее интересные и важные детали, связанные с указанными морфологическими особенностями, с точки зрения их семантики и функций.

ТАТАРЫ АФГАНИСТАНА: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Этническая группа или, скорее, (что более вероятно) объединение нескольких групп, называющее себя афганскими татарами, относится к числу наименее изученных с точки зрения языка и истории. В вопросе об их происхождении нет единой точки зрения – как среди исследователей, так и среди представителей указанной группы. Наименование «татары» отсутствует в тексте Конституции Исламской Республики Афганистан, однако в марте этого года стало возможным внесение национальности «татары» в гражданский паспорт.

Афганские татары проживают преимущественно в северных провинциях Афганистана, наибольшее их число фиксируется в провинциях Саманган, Балх и Баглан. Точных сведений о численности именующих себя татарами в Афганистане нет, представители местных властей и лидеры татарских общин называют цифры от ста тысяч до полутора миллионов.

У афганских татар отсутствует собственный язык, они используют местные диалекты персидского языка, объединяемые названием «дари». По нашему мнению, чрезвычайный интерес представило бы изучение их варианта дари, запись текстов, в том числе фольклорных, на предмет поиска, фиксации и анализа возможных сохранившихся тюркизмов.

В последние 2–3 года татарские активисты Афганистана выступают с инициативой организовать курсы татарского языка, а в социальных сетях был запущен флешмоб «мин татар». К чему приведут подобные инициативы, каковы истинные намерения их участников, действительно ли есть какая-либо связь между афганскими и поволжскими татарами – мы надеемся выяснить всё это в ходе совместной работы с историками, антропологами, этнографами.

Материалом для нашего исследования послужили исторические документы, интервью и статьи казанских татар-ученых и общественных деятелей, а также беседы с информантами, проживающими в Афганистане.

О НЕКОТОРЫХ ТЮРКИЗМАХ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Предшествующие исследования результатов взаимодействия накопили довольно богатый опыт анализа материалов такого рода: имеются работы по общему влиянию тюркских языков на уральские (Rona-Tas, 1988); по тюркским заимствованиям в удмуртском (Максютова, 1967; Тараканов, 1985), коми языке (Wichman, 1903), хантыйском (Paasonen, 1902) и мансийском (Kannisto, 1925) языках, венгерском (Gombocz, 1912), марийском (Räsänen, 1920, 1923); например, в восточномарийских диалектах зафиксировано около трех тысяч татарско-чувашских лексических заимствований (Исанбаев, 1978, 172).

При анализе тюркского лексикона финно-угорского происхождения следует учитывать факты контактов финно-угорских и тюркских языков, а также возможное русское посредство между собой в различные периоды. И если прибалтийско-финские языки вряд ли могли иметь прямое взаимодействие с тюркскими – разве что, вероятно, через посредство других языков, – то обско-угорские, пермские, волжские языки в ходе своей истории в такие контакты вступали, что и отразилось на составе их лексических систем. Однако в ряде случаев, когда идет речь о кажущихся прямыми результатах тюркских и финно-угорских контактах, требуется учитывать русское посредство или русское влияние на эти языковые континуумы.

Например, вряд ли следует возводить татар. *удава*, *уд'ава* 'вдова', 'вдовец' к морд. эрзя *од ава* 'мачеха', при русск. диал. *удова* 'вдова'.

Аналогично татар. *лаусэ*, *лауца* 'верхняя полка на небольших нарах, служащих одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды' от морд. эрзя *лався* 'кухонный шкафчик'; *лався*, *лався лонга* 'полка', морд. мокш. *лавця* 'полка', 'широкая скамья для складывания одежды', при русск. диал. *ла'вица* в сходных значениях.

Ср. также коми ижем., печор. *аргыш* ‘олений обоз из пяти-семи грузовых нарт’, при татар. диал. *арҗәш*, башк. диал. *арҗәш*, алт. диал. *арҗуш* ‘караван’, и русск. диал. *аргы’ш* ‘обоз из нескольких десятков и более саней, запряженных оленями’, при возможном направлении заимствования: тюрск. > русск. > коми.

СПОСОБЫ УКАЗАНИЯ НА ПОЛОЖЕНИЕ ОБЪЕКТА ПОЗАДИ ОРИЕНТИРА В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Для турецкого языка характерна четкая антропоцентрическая структуризация окружающего пространства с выделением удаленной, прилежащей, боковой прилежащей и задней зон. Для указания на расположенные в каждой из этих зон объекты используется специфический набор лексем.

Для указания на положение объектов в задней по отношению к ориентиру зоне используются лексемы *geri-*, *arka-*, *ard-*, *şu*, *o*. В дейктической ситуации определяющей является позиция говорящего, в недейктической – положение автоориентированных ориентиров.

Лексема *geri-* с посессивным и/или падежным показателем или без них соотносится с удаленной, то есть предполагающей пространственное перемещение, зоной. Причина этого заключается в том, что в ее морфологический состав входит древний показатель направленности.

Наиболее употребительной лексемой, используемой для характеристики пространственного положения объектов, находящихся в ближайшей к автоориентированному ориентиру зоне позади него, является *arka-* с посессивным и, при необходимости, падежным показателями.

Лексема *ard-* используется ограниченно, в составе устойчивых выражений, с посессивным и/или падежным показателями и в современном турецком языке является архаизмом.

Использование указательных местоимений определяется их дейктическими особенностями. В отношении объектов, расположенных позади говорящего, могут использоваться только два местоимения из трех – *o* и *şu*.

СЛОВА КУДУК И ГУЙЫ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В лирике поэтов Востока употребляется значительное количество слов, относящихся к лексико-семантическому полю «вода». Среди них встречается старинное название колодца – кудук. Например: *Ýusup bile bir gudukda ýuglar erdim zar-zar* ‘Горестно плакал с Юсупом в одном колодце’ [Насими]. Слово кудук зафиксировано в словарях тюркских языков, например: *Olarning ýer gudugi* ‘Их земной колодец’ (В.В. Радлов), *kudug* (Древнетюркский словарь). *Kuduk* в современном туркменском сохранилось в фразеологизме с уподобительным значением *guduk ýaly* ‘как колодец’ – так говорят о человеке, который пьет много воды. Термином кудук также именуются маленькие лунки, которые выкапываются для национальной туркменской игры *чилик*.

В современном туркменском языке слово кудук приняло форму гуйы ‘колодец’ (*kud>gud>guy*), то есть в анлауте произошел переход древнего глухого **к** в звонкий **г**, а в первом слоге – переход **д**→**й**. В говоре ставропольских туркмен в значении ‘колодец’ используется слово *gut: Taktaly gut da:rmeke?* ‘Есть ли деревянный колодец?’. *-uk* является продуктивным именным суффиксом: *gazuk* ‘кол’, *üzük* ‘оторванный’, *ötük* ‘переход’, *serpik* (от *serpnek* ‘открыть что-то, отбрасывая в сторону’) ‘войлочное покрывало для верхнего отверстия юрты’.

Слово гуйы ‘колодец’ вошло в состав туркменских фразеологизмов: *Iňňe bilen guýy gazmak* ‘Иглой рыть колодец’. *Guýunuy düýbüne düşen ýaly bolmak* ‘Как будто провалиться на дно колодца’, что указывает на его древний характер.

ПРИНЦИПЫ ЗНАКОМСТВА НОСИТЕЛЕЙ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

При знакомстве носители турецкого языка в подавляющем большинстве случаев задают друг другу следующие три вопроса:

İsmin ne? ‘Как тебя зовут?’

Nerelisin? ‘Откуда ты родом?’

İçinden mi? ‘букв. Изнутри этого места?’ - то есть из самого этого города или из провинции, административным центром которого является этот город (в Турции провинции называются по своим административным центрам).

Рассмотрим подробнее ответы на второй и третий вопросы. Если у человека родители, а – особенно – также и родители родителей, проживают в одном и том же месте, но родился он в другом месте, где его родители находились на момент его рождения, то местом своего происхождения человек будет считать именно постоянное место проживания своих родственников, а не фактическое место своего рождения. Пример из резюме:

Aslen Trabzon Maçkallı olan Atilla Bulut 1978 yılında Antakya’da doğdu
‘Атилла Булут, по происхождению из района Мачка провинции Трабзон,
родился в г. Антакья в 1978 г.’

При знакомстве с г-ном Булутом произойдет следующий диалог:

İsmin ne? – *Atilla* ‘Как тебя зовут? – Атилла’.

Nerelisin? – *Trabzonluyum* ‘Откуда ты родом? – Из Трабзона (хотя фактически г-н Булут родился в г. Антакья)’.

İçinden mi? – *Maçkadan* ‘Из самого г. Трабзон? – Из района Мачка’.

Однако если человек скажет *İstanbuluyum* ‘Я родом из Стамбула’, то обязательно последует четвертый вопрос – *Esas memleket nere?* ‘Где твоя настоящая родина?’ Это связано с огромной внутренней миграцией в Стамбул из многих регионов Турции и других стран, в первую очередь балканских.

Если у человека родители, бабушка и дедушка родились в Стамбуле, то тогда человек может ответить *Esas İstanbulluyum* 'Я именно из Стамбула родом'. Однако многие турецкие семьи, если не большинство, помнят, откуда их родственники приехали в Стамбул и 100 лет тому назад, и укажут именно это место в качестве своей родины.

ЛЕКСИКА ПЧЕЛОВОДСТВА В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык распадается на три больших диалекта: южный, восточный и западный (т.е. северо-западный). Отметим только, что лексика пчеловодства составляет очень активно используемую ее часть. Большая часть этой лексики представлена в академическом «Диалектологическом словаре башкирского языка» (2002).

В истории башкирской лексикологии данной проблематикой занимались такие языковеды, как Дж.Г. Киекбаев, Н.Х. Максютова, У.М. Яруллина, Н.Х. Ишбулатов, Л.М. Зайнуллина. Двадцать лет назад, в 2001 г. стараниями Г.Д. Зайнуллиной был издан «Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по пчеловодству», который не потерял своей актуальности и сегодня, оставаясь при этом часто цитируемым источником.

Мы в данной ситуации выступаем сторонниками традиционного подхода в описании данной части отраслевой лексики диалектов и говоров родного языка. Это выражается в признании нами следующих аспектов ее исследования: 1) истории изучения отраслевой лексики диалектов и говоров башкирского языка и параллельно – лексики пчеловодства; 2) историко-генетических пластов этой лексики в диалектах и говорах; 3) структурных особенностей и способов словообразования названной лексики в диалектах и говорах. Считаем, что этого будет вполне достаточно на первом этапе.

Особый интерес в будущем представляет такой важный момент, каким является вопрос функционирования этнографизмов в составе лексики пчеловодства в диалектах и говорах башкирского языка. Например, *аркатау* этн. ‘веревка для подъема и опускания батмана (при добывании меда)’; *кирәм* этн. ‘кирям (плоская плетеная веревка или ремень, при помощи которых бортники лазают на дерево)’ и т.д.

КОНЦЕПТЫ «СЧАСТЬЕ» И «ВРЕМЯ» В ТУРКМЕНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

На данном этапе развития туркменской лингвистики и филологии в целом ученые придерживаются традиционной парадигмы лингвистического описания языковых фактов и явлений. Ввиду активного применения методов когнитивной лингвистики на постсоветском пространстве автор данного исследования хотел бы придать импульс более широкому внедрению когнитивной лингвистики в туркменское языкознание. В странах бывшего СССР безусловным авторитетом в когнитивной лингвистике пользуются российские ученые, что создает для туркменских лингвистов оптимальные стартовые условия для освоения относительно новых для туркменского языкознания методов исследования связи языка и мышления.

Недостаточная изученность когнитивной лингвистики в Туркменистане, а также практически полное отсутствие исследований, посвященных исследованию концепта в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспекте, усиливают актуальность настоящего исследования.

Анализ концептов туркменской и русской лингвокультуры предполагает привлечение данных этнографии, истории и культурологии вследствие необходимости культурологической интерпретации концептов.

Предлагаемый анализ ориентирован на сопоставление когнитивных картин мира русского и туркменского языков. Объектом анализа станут пары концептов универсального характера, которые отражают такие общечеловеческие понятия, как время и счастье.

Данное исследование позволит выявить не только универсальные слои концептов туркменской и русской лингвокультуры, но и национально-специфические аспекты мировосприятия, связанные с представлением о времени, а также их вербализацию в русском и туркменском языках.

О ЗНАЧЕНИИ И МОДАЛЬНЫХ КОННОТАЦИЯХ ПОКАЗАТЕЛЯ *TAS* В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В инвентаре туркменского языка для выражения значения ‘действие чуть было не произошло’ имеется особый и обязательный показатель *tas*. Грамматики туркменского языка описывают его как модальное слово, не имеющее лексического значения. Подобное определение является весьма фрагментарным и не передает в полной мере значение и коннотации показателя *tas*. В настоящем докладе будут представлены результаты детального исследования конструкций с данным показателем, а также, в целях выяснения вопроса генезиса его значения, попытка реконструировать лексические источники, которые, по всей вероятности, лежали в основе процесса грамматикализации *tas*.

О СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЖИ»)

Соматическая лексика (от греч. *sōma* ‘тело’) – одна из универсальных лексических групп в любом языке и один из самых распространенных объектов исследования. Отечественные и зарубежные лингвисты в своих работах обычно выделяют эту лексику первой в лексико-тематической системе любого языка. В.А. Власова подчеркивает, что соматическую лексику отличает высокая частотность употребления и развитая полисемия, базирующаяся на большом количестве основных сем.

Соматическая лексика составляет значительную по объему группу в хакасском языке. Богатый материал этой лексической группы, представленный в фольклоре и диалектах хакасского языка, является одним из первых источников пополнения лексики литературного языка.

Среди выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений особое место занимают героические сказания. Исследования героического эпоса хакасского народа позволяют выявить национальный образ и, соответственно, систему ценностей, этические нормы и психологию этноса – своеобразную «картину мира».

В устно-поэтическом творчестве хакасского народа особое место занимает героическое сказание «Албынжи», рассказанное замечательным хайджи С.П. Кадышевым.

В данной работе рассматривается соматическая лексика с выделением наиболее частотного компонента. На материале героического эпоса «Албынжи» методом сплошной выборки были выявлены 634 соматические единицы, которые относятся к 73 объектам номинаций. Выявленные соматизмы были распределены с точки зрения их частотности. Из них наиболее частотными являются лексемы *харах* ‘глаза’, *нас* ‘голова’, *азах* ‘нога’, *ахсы*, *аас* ‘рот’, *арга* ‘спина’ и другие.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория времени древнеуйгурского языка состоит из трех подсистем: формы первичной ориентации (план настоящего), формы вторичной ориентации (план прошедшего) и третичной ориентации (план будущего).

Периодом ориентации, с которыми хронологически соотносятся образы действий, не может быть «момент речи» поскольку он представляет собой «внеязыковое событие» и не может входить в содержание языковых значений. Он может лишь учитываться говорящим, в том числе при выборе той или иной временной формы, но не может быть центром системы идеальных единиц, которыми являются языковые значения.

ОНЛАЙН-ШКОЛА ОБУЧЕНИЯ ТАТАРСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Татарский язык – один из развитых тюркских языков, для изучения которого в последние годы созданы не только современные учебно-методические комплексы, но и онлайн-курсы, чтобы каждый желающий имел доступ к дистанционному обучению.

Онлайн-школа «Ана теле» (<http://anatele.ef.com>) является системой дистанционного обучения, где пользователь имеет возможность бесплатно изучать татарский язык в любом месте, где есть выход в Интернет в течение неограниченного количества времени. Проект по созданию данной дистанционной школы был реализован в 2013 году Министерством образования и науки РТ совместно с компанией EF Education First и Казанским федеральным университетом. Она соединяет в себе многообразные виды информации: содержательные видеосюжеты с заданиями, аудиозаписи, диалогические и монологические тексты, графику, анимацию, фотоматериалы, лабораторию произношения, лабораторию грамматики и письма. Для практического усвоения татарского языка при дистанционном обучении пользователь знакомится с различными темами, связанными с повседневным общением, самостоятельно выполняет более 1000 упражнений, а в конце каждого уровня проходит тест, который включает задания по грамматике, лексике, чтению и аудированию. Разговорные уроки в режиме реального времени, которые ведут преподаватели Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ, придают активный характер взаимодействия пользователя с учебной средой, а участие в них способствует повышению мотивации. В онлайн-школе ежегодно регистрируются и обучаются пользователи не только из Республики Татарстан, но и регионов РФ, а также представители стран ближнего и дальнего зарубежья.

ЗАИМСТВОВАНИЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЧУВАШСКИМ ЯЗЫКОМ

Выделяется три модели освоения русских глаголов чувашским языком:

1. Конверсия (см. также пункт 3). При этом русский глагол в форме инфинитива на чувашской основе переходит в разряд существительных: *венчет* ‘венчание’ < рус. *венчать*; *венчете тӑр* ‘идти под венец’; *евит* ‘заявление’ < рус. *явить*, ср. с тат. диал. *жәwet* тж.

2. Аффиксация. Деривация происходит на основе русского глагола в инфинитивной форме путем присоединения к ней чувашского отыменного глаголообразующего аффикса *-ле*: *мишетле*, *мешишатьле* / *мешишетле* < рус. *мешать* + чув. *-ле*; *морикле*, *муритле* разг. ‘мучить, терзать, истязать’ < *морить* + *-ле*; *муччитьле* < *мучить* + *-ле*; *шаритле* / *шарикле* < *жарить* + *-ле*. См. также: *венчетле* ‘венчать, совершать обряд бракосочетания (в церкви)’ < *венчет* ‘венчать’ + *-ле*; *венчетлен* < *венчет* + *-лен*; *евитле* заявлять, сообщать, ставить в известность’ < *евит* ‘явить’ + *-ле*.

Процесс подобного освоения русских глаголов также присущ новозаимствованиям: *звонитьле* ‘звонить’, *подаритьле* ‘подарить’.

3. Введение русского инфинитива в чувашский язык с помощью вспомогательного глагола *ту* ‘делать’: *венчаться ту* ‘венчаться’ (ср.: *венчет ту* ‘венчать’), *морить ту* ‘морить’, *жарить ту* ‘пожарить’, *мешать ту* ‘мешать’, *мучить ту* ‘мучить’, *звонить ту* ‘позвонить’, *подарить ту* ‘подарить’. Видимо, в данном случае происходит переосмысление русских глаголов в качестве существительных, так как глагол *ту* в чувашском языке в аналогичных схемах вступает в грамматические связи со словами именных частей речи и наречиями, но никак не с глаголами: *ёс ту* ‘работу выполни’, *лайӑх ту* ‘хорошо сделай’, *иккӗ ту* ‘дважды сделай’. Данная модель, в отличие от первых двух, представляет собой универсальный способ освоения русских глаголов чувашским языком.

НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ОБМЕНИШ / ПОДМЕНИШ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Среди мифологизированных персонажей в башкирской народной культуре выделяется особая группа людей, называемых *алмаштырган / алмаштырылган бала* ‘обменыш, подменыш, ребенок, подмененный нечистой силой’. В башкирской мифологии данную группу персонажей представляют собой подброшенные человеку дети нечистой силы вместо похищенного ею его собственного ребенка.

По поверьям башкир, новорожденного в течение сорока дней нельзя оставлять без присмотра, т.к. нечистая сила может его подменить своим отродьем. Подмененные дети обычно бывали уродливыми, некрасивыми, больными: с тоненькими ручками и большим животом. Таких детей башкиры называли *бәрей / бәре алмаштырган бала* ‘ребенок, подмененный бесом’, *ен алмаштырган бала* ‘ребенок, подмененный джином, бесом, чертом’, *шайтан алыштырган бала* ‘ребенок, подмененный шайтаном, дьяволом’. Кроме приведенных названий, в словарях башкирского языка и его диалектов приведены наименования *ен балаһы* ‘дитя беса, чертенок’, *ен ботагы* ‘проказник, непослушный ребенок’, досл. ‘чертов сучок’, *бәре балаһы* ‘бесенок, чертенок’, *шайтан ботагы* ‘проказник’, досл. ‘отросток, сучок шайтана’ и др. Изложенный материал свидетельствует о том, что в обмене или подмене человеческого дитя на нечистую силу участвуют такие мифические персонажи, как *бәрей / бәре* ‘бес’, *ен / жен* ‘джин, бес, черт’, *шайтан* ‘шайтан, дьявол, черт, бес’.

Обычно подменыши часто болели и умирали где-то в 12-14 лет. Иногда они выздоравливали и жили долго. Такиеменыши становились знахарями, колдунами, богатыми и удачливыми людьми. В этом случае башкиры говорили, что нечистая сила вернула человеческое дитя, забрав свое отродье.

Поэтому народ предпринимал различные меры по возвращению своего дитя. Для этого отдельных подменышей били, выгоняли босиком на мороз, натравливали на них собак, что приводило иногда к трагедиям.

Следует отметить, что представления башкир о подменышах продолжают жить и сегодня. Об этом свидетельствуют полевые материалы фольклористов и лингвистов Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, которые фиксируют довольно богатую терминологию, связанную с обменышами или подменышами в диалектах и говорах башкирского языка.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АФФИКСОВ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Языковая система древнетюркского рунического языка представляет собой образование, в котором значимым является и морфемная структура древнетюркского слова. Несмотря на то что в рунических текстах сохранились «остатки» древних синкретичных глагольно-именных корней, структура древнетюркского слова состоит из полноценных корней нового типа (СГС) и корпуса словообразовательных и формообразующих аффиксов. Многообразие словообразовательных аффиксов указывает на функциональность системы древнетюркского словообразования, а система формообразующих аффиксов – на достаточную развитость грамматических форм и категорий.

Производные слова в рунических текстах наблюдаются как в классе имен, так и в классе глагола, например: *сыгыт* → *сыгытчы* ‘плакальщик’, *біл* → *білге* ‘знающий’, *екін* → *екінті* ‘второй’, *ат* → *атлат* ‘стреляй’, где производные *сыгытчы*, *білге*, *екінті*, *атлат* имеют формальную и семантическую связь с производящими основами *сыгыт*, *біл*, *екін*, *ат*. Словообразовательные форманты (СФ) *-чы*, *-ге*, *-нт*, *-лат* образуют новые мотивированные слова *сыгытчы* ‘тот, кто оплакивает’, *білге* ‘знающий, мудрый’; *екінті* ‘второй по счету’, *атлат* ‘стреляй’.

В процессе исследования нами выявлены словообразовательные форманты (аффиксы) наиболее продуктивные для существительных: *-чы/-чі*, *-даш*, *ліг/-лыг/-лық/-лік*, *-ан/ -ен*; прилагательных: *-лы/-лі*, *-сыз/-сіз*, *-ге*, *-тай/-тег*, *-қы/-кі/ -гы/ -гі*; числительных: *-нт*, *-нч/ -ынч/-інч*; глагола: *-а/-е*, *-лат/ -лет*, *-лан/-лен*, *-қ/-к/-ық/-ік/ ічік* и т.п.

Определение словообразовательных значений древнетюркских аффиксов раскрывает семантический потенциал производных слов в рунических текстах и дает возможность проследить исторические закономерности развития словообразовательных единиц современных тюркских языков.

БАЗОВАЯ ЛЕКСИКА ШОРСКОГО ЯЗЫКА. ЧЕР 'ЗЕМЛЯ'

Слово *чер* (< д.-т. *jer* 'земля', 'страна', 'место', 'поверхность') в шорском языке является частотным, имеет разветвленные семантические и синтагматические связи с другими языковыми единицами, употребляется во всех речевых жанрах.

В шорских эпических текстах *чер* обозначает «пространство, населенное людьми, включающее флору и фауну Земли». В этом значении *чер* противопоставлено лексемам *тегри* и *көк* 'небеса' (царство Ульгения), а также сочетанию *алтынгы чер* 'подземный мир' (царство Эрлика). *Чер* 'обитаемая земля' является частью 'Вселенной' – *ақ чарық* (букв. 'белый свет').

В шорских мифах о сотворении мира (*чер чайалганда* 'когда земля сотворилась') лексема *чер* 'земная твердь' противопоставлена лексеме *суг* 'вода, река'. В подобных контекстах *чер* варьируется с лексемой *таг* 'гора': *қалақ-пыла таг пөлген, қамыш-пыла суг пөлген темде полган* 'время было, (когда) мешалкой горы делили, когда ковшом воду делили'.

В эпических описаниях владений *хана* или *алына* (богатыря) лексемы *таг* 'гора' и *суг* 'река, вода' (или *талай* 'море') выступают в ассоциативной связке с *чер* и создают общее значение 'родная земля', 'собственное владение'.

В современных шорских авторских текстах сочетание *туган чер* (< *туг* = 'родиться') имеет значение 'родина'. Изафетные сочетания слова *чер* с географическими названиями выполняют функцию топонимов: *Алтай чери* 'Алтай', *Сойен чери* 'Саяны', *Шор чери* 'Шория'.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЮМА НАСЫРИ ПО РАЗВИТИЮ ТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Каюм Насыри знаменит в тюркском мире как выдающийся татарский ученый-энциклопедист. В течение своей жизни издал около 40 трудов по языкознанию, художественной литературе, фольклору, филологии, педагогике, математике, истории, географии, астрономии и другим отраслям науки.

Среди лингвистических трудов Каюма Насыри особое место занимают словари: двуязычные словари «Татарча-русча лөгать китабы» (1878) и «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» (1892), первый толковый словарь «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка») в двух томах, 1895–1896).

«Татарча-русча лөгать китабы» был издан в 1878 году. Словарь объемом 120 страниц является практическим руководством, необходимым для обучения татар русскому языку, а русских – татарскому. Словарь включает 2923 слова.

«Полный русско-татарский словарь...» К. Насыри включает в себя 18 410 единиц. Расположены они в алфавитном порядке русского языка и написаны в соответствии с орфографией того времени. Перевод слов дается арабской графикой. В конце словаря под заголовком «Әлфаз әжнәбия», т. е. «Иностранные слова» К. Насыри расположил слова и термины, пришедшие в русский язык из других языков. Здесь собрано около 1700 общественно-политических, научно-технических и других терминов.

«Ләһжәи татари» – первый толковый словарь татарского языка. Специалист по татарскому языку Каюм Насыри подготовил и опубликовал «Ләһжәи татари» в период с 1895 по 1896 год. Каюм Насыри в словаре дал информацию о тюркских народах, прокомментировал использование арабского алфавита в татарском языке.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аверьянов Ю.А. (к.и.н., ИВ РАН, г. Москва)

СУФИИ-ВЕГЕТАРИАНЦЫ (ЭТЙЕМЕЗЛЕР) В ОСМАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРОБЛЕМА ИНДО-БУДДИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ НА СУФИЗМ

Во многих местностях Анатолии и Балкан встречаются селения с названием Этйемезлер (букв. «Не едящие мяса»): в османских переписях (*тахрир*) отмечено довольно большое число таких селений. В Кангале (области Сивас) до наших дней сохранился мазар Этйемеза Баба и связанные с ним верования и предания. В Инджесу (провинция Кайсери) проживало полукочевое племя *этйемезлер*. В европейской части Турции (Румелии) суфийские обитатели (*завийе*) дервишей-вегетарианцев были отмечены в провинциях Загора, Кызылагач, Текфурдагы (Текирдаг), а также и в самом Стамбуле (в районе Джеррахпаша). Вегетарианцы могли находить некоторое обоснование своих взглядов в Коране (сура «Покои», 49: 12). Суфии толковали это так, что поедание мяса (как и сребролюбие, стремление копить деньги) на сорок дней погружает сердце человека в мрак (*касвет*), закрывает его поры и делает его черствым.

Дервишей-вегетарианцев связывают, в первую очередь, с течением каландаров. Однако вопрос о том, следует ли возводить вегетарианство к индо-буддийскому влиянию на каландаров, или же возможны были и какие-то другие, в частности, местные малоазиатские влияния, восходящие к античным философам и христианской монашеской практике, остается нерешенным. Принцип не причинения боли живым существам и аскетический образ жизни

являются двумя краеугольными камнями вегетарианства. Но третий «столп», на котором покоится этот образ жизни, – учение о переселении душ – не мог быть принят с догматической точки зрения ни христианскими, ни мусульманскими богословскими кругами. Внутри движения каландаров также наблюдались разногласия и даже столкновения между собой различных групп. Так, в «Вилайет-наме-и Отман Баба» (записанном в первоначальном варианте в 1483 г.) сообщается о том, что дервиши-вегетарианцы из текке Мюмина Баба в Загоре выступали в суде как свидетели обвинения шейха Отмана Баба в «самообожествлении». Воскрешение Этйемезом Баба в Кангале зарезанной в честь него местными жителями овцы – чудо, заслуживающее внимание в русле народных представлений о «подателях жизни». И здесь можно найти схожие черты, например, с утверждением «Ланкаватара-сутры» о том, что бодхисатва считает всех живых существ своими детьми и не может заниматься мясоедением.

**А.П. БЕРЖЕ (1828–1886) – ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА**

Выдающийся российский востоковед, кавказовед, археограф А.П. Берже (1828–1886) одним из первых в российском академическом кавказоведении охарактеризовал исторические судьбы, этнографию, религиозные представления тюркских народов Северного Кавказа (карачаевцев и балкарцев, ногайцев, кумыков и проживавших в Ставропольских степях туркмен) и Закавказья (азербайджанцев).

В докладе будет охарактеризовано представление тюркских народов Кавказа в сочинениях А.П. Берже «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (1858) и «Этнографическое обозрение Кавказа» (1879).

Если при работе над первым трудом Берже располагал совсем небольшим числом публикаций, в которых приводились достаточно краткие сведения о тюркских народах Кавказа, то при подготовке исследования «Этнографическое обозрение Кавказа» ученый мог опираться на значительно большее число работ об этих народах Кавказа, опубликованных после 1858 г. на протяжении двух десятилетий. А.П. Берже учел их при подготовке «Этнографического обозрения Кавказа», текст которого он прочитал на III Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге.

В нем были охарактеризованы не только тюркские народы, проживавшие на Северном Кавказе, но и «татары азербайджанские», т.е. азербайджанцы. Этот тюркоязычный народ особенно привлекал внимание А.П. Берже – он не только публиковал переводы работ азербайджанских авторов, но и подготовил и издал в Лейпциге, в Германии, с предисловием на немецком языке сборник произведений азербайджанских народных поэтов «Die Sanger des XVIII und XIX Jahrhunderts in adserbeidshanischer Mundart». Leipzig, 1869.

**ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СЛОВЕСНОСТИ В
РУКОПИСЯХ XIX–XX ВВ. ИЗ ФОНДА КАРАКАЛПАКСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ОАН РУЗ (НУКУС,
УЗБЕКИСТАН)**

В мае 2021 г. в ходе работы в рукописном собрании КИГН КК ОАН РУз было продолжено научное описание коллекции рукописей, литографий и старопечатных книг, состоящей из новых поступлений (так называемой «Чимбайской» по месту происхождения большей части рукописей).

Среди этих рукописей – произведения по мусульманской догматике, Кораны (и фрагменты Коранов), поэтические произведения (стихи Сулеймана Бакыргани, разнообразные дестаны), трактаты по грамматике арабского языка («Авамил»), истории, образцы каллиграфии на отдельных листах и др. – на арабском и тюркском языках (чагатайском, татарском, каракалпакском). В совокупности они представляют собой круг чтения мусульманина той эпохи и являются одной из иллюстраций тесных литературных и культурных связей между Приаральем (тогда – Хивинским ханством), Поволжьем, Османской империей (где был переписан ряд рукописей).

Особый интерес представляют образцы литературы и фольклора на каракалпакском и узбекском языках: некоторая часть этих рукописей была переписана в 30–50-е гг. XX в., в арабской графике и в кириллице (после 1939 г., когда состоялся переход на кириллицу). Это пьесы, стихи, эпические дастаны. Переписывание текстов дастанов (таких как «Гарип Ашик», «Идиге», фрагменты сказания об Алпамыше – это либо тексты, полученные от сказителей собирателями, либо же тексты, переписанные самими читателями, «слушателями») свидетельствует прежде всего о том, что устная традиция исполнения дастанов, а также их книжное бытование сохранялись в XX в. довольно долгое время.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО УЗБЕКСКОГО ДРАМАТУРГА XX В. ХАМЗЫ

Наим Каримов – известный узбекский литературовед – сумел привнести новое слово, нового героя, новую проблематику в узбекскую литературную критику, также благодаря ему эта область обрела популярность не только у специалистов, но и у широкого круга читателей.

Особенное внимание привлекают его работы, направленные на критику безосновательного восхваления произведений Хамзы. Так, при оценке первого произведения узбекской драматургии XX в. «Бой ила хизматчи» («Бай и батрак») и других произведений Хамзы Наим Каримов аргументированно обосновывает чрезмерное превознесение писателя. Эти идеи явились одними из самых новаторских за последние десятилетия, они представляют собой пример справедливого отношения к творчеству наших узбекских писателей.

Нам думается, можно сказать, что Н. Каримов явился основоположником нового методологического взгляда на творчество Хамзы. В отличие от своих предшественников ученый обращает особое внимание на вклад Хамзы в пробуждение идеи национальной независимости и указывает, что для истории узбекской литературы XX в. этот первый этап творчества Хамзы имеет большое значение.

Валеев Р.М. (д.и.н., КФУ, г. Казань)
Кириллина С.А. (д.и.н., ИСАА МГУ, г. Москва)
Валеева Р.З. (к.п.н., КИУ им. В. Г. Тимирязова, г. Казань)
Васильюк О.Д. (к.и.н., ИВ им. А. Е. Крымского, г. Киев)

**ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА ТЮРКОЛОГИИ:
НАСЛЕДИЕ А.Е. КРЫМСКОГО И В.А. ГОРДЛЕВСКОГО И ИХ
ПЕРЕПИСКА¹**

2021 год отмечен 150-летием со дня рождения академика Национальной академии наук Украины А.Е. Крымского (1871–1942) и 145-летием со дня рождения академика АН СССР В.А. Гордлевского (1876–1956) – значимых фигур в истории мировой ориенталистики и арабо-мусульманских штудий, в частности, московского центра академической и университетской тюркологии, османистики, арабистики и иранистики и общественной жизни Российской империи и СССР. Оба ученых широко известны в истории гуманитарной науки и культуре народов современной Российской Федерации и Украины. Их многогранная деятельность посвящена языкам, этнографии, фольклору, истории, литературе и культуре тюркоязычных народов России и Турции и всему евразийскому тюркскому историко-культурному пространству.

В настоящее время в целом реализован системный поиск, изучение, систематизация и публикация научного и эпистолярного наследия выдающегося арабиста, семитолога, тюрколога, ираниста и слависта А.Е. Крымского с видными отечественными востоковедами В.Р. Розеном, В.В. Бартольдом, П.К. Коковцовым, Ф.Е. Коршем, В.А. Жуковским, С.Ф. Ольденбургом, И.Ю. Крачковским, Н.А. Медниковым, В. А. Гордлевским, Б. В. Миллером, В.Ф. Минорским и другими учеными в период 1890-х – 1930-х гг.

---

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-09-00385.

Доклад посвящен обзору педагогической и научной деятельности А.Е. Крымского и В.А. Гордлевского в Лазаревском институте восточных языков (1898–1918 гг.) в Москве и их взаимоотношениям, а также оценке дореволюционной личной переписки. Основное внимание уделено неизвестным в истории отечественной тюркологии двум сохранившимся письмам В.А. Гордлевского из Коньи (Турция) и Москвы А.Е. Крымскому из фондов Института рукописи Научной библиотеки им. В. И. Вернадского (г. Киев). В фонде ИР НБ им. В.И. Вернадского хранятся два дореволюционных письма В.А. Гордлевского профессору А.Е. Крымскому (от 7 ноября 1906 г. и 20 апреля 1909 г.). Актуальным остается дальнейшее изучение их научного тюркологического, османистического творчества и общественной деятельности, а также направлений и особенностей их профессионального и личного общения.

Также будет представлен краткий обзор эпистолярного наследия В.А. Гордлевского в его личном фонде в Архиве РАН в Москве (Архив РАН. Ф. 688. Оп. 4. Переписка. 1906 – 1956). Среди авторов писем В.А. Гордлевскому фигурируют известные отечественные и зарубежные ученые-востоковеды конца XIX – первой половины XX в.: В.М. Алексеев, Ф.Х. Бабингер, В.И. Беляев, И.С. Брагинский, Ахмед Заки Валидов, Газиз Губайдуллин, Н.К. Дмитриев, В.И. Зайончковский, А.Н. Кононов, Ф.Е. Корш, И.Ю. Крачковский, С.Е. Малов, Н.Я. Марр, Б.В. Миллер, А.С. Тевртинова, С.М. Шапшал, А.Ю. Якубовский и др.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Ч. АЙТМАТОВА

В наше время широкое распространение получила теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонса, предполагающая, что метафора проявляется не только в языке, но и в мышлении. В сознании человека неизвестное передается через известное, отвлеченные понятия передаются через конкретные предметы. В докладе выявляется индивидуально-авторская метафорика при передаче эмоций литературных персонажей Ч. Айтматова.

В художественном тексте романа «Материнское поле» присутствуют метафорические образы эмоции радости. В одном из примеров радость представлена в виде стихийного культурного кода в метафорическом образе воды: «Не знаю, всерьез или в шутку он так сказал, только я вдруг расплакалась. Так просто, не удержалась от хлынувшей радости, переполнилась она в груди...».

Эмоция печали выступает в образах воды и воздуха: «печаль переполнила ее», «погрузиться в печаль», «развеять печаль». Иногда для печали Ч. Айтматов использует анималистический образ: «унося с собой снедавние душу <...> печаль и тоску» («Когда падают горы»). Здесь печаль носит деструктивный характер, предстает в образе некоего хищника.

В художественном дискурсе Ч. Айтматова концепт «страх» описывается только в воинственной лексике «затаиться», «охватить», «угнетать», «перебарывать», «превозмогать»: «преодолевать страх», «превозмогая страх», «перебарывая страх», «страх угнетал ее» («И дольше века длится день»); «охваченная страхом», «затаился в душе страх» («Материнское поле»), «не выдержал страха» («Когда падают горы»). Эмоция страха воссоздается с помощью образа врага. Страх может затаиться в человеке, затем охватить его

целиком, может угнетать человека; со страхом необходимо бороться, человек должен преодолевать его.

Передавая эмоции страха, ужаса, автор описывает явления неадекватного восприятия действительности в момент жутких событий в жизни героя: «Бостон бежит, словно плывет» («Плаха»); «горные громады наваливаются на Байтемира, как смертоносная природная стихия» («Тополек мой в красной косынке»). Это метафорические образы страха и ужаса.

В художественном дискурсе писателя вырисовывается индивидуальный стиль его языка, отличающийся характерными метафорическими образами. Своеобразную систему лингвокультурных кодов, метафорическое описание аффектов можно отнести к индивидуально-авторским особенностям Ч. Айтматова в описании эмоций.

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМА СТИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА И. ХАККУЛЯ)

По выражению французского ученого Ж.Л. Леклерка де Бюффона, «стиль – это личность». Под этим Бюффон подразумевает то, что в стиле отражается слово, поведение, одежда и т.д. человека. В литературоведении определение стиля является парадоксально узким и в то же время широким понятием. Так, по мнению русского литературоведа Б.В. Томашевского, когда речь идет о стиле, то понимается какое-либо своеобразие. Чтобы у писателя был собственный стиль, от него требуются знания, талант и мастерство.

В докладе вопрос стиля критика в узбекском литературоведении освещается посредством наблюдения за творческой деятельностью Иброхима Хаккуля. На какой бы вопрос ученый ни обратил внимание, он исходит из потребностей социальной жизни эпохи. В этой связи интересны его взгляды относительно взаимоотношения тасаввуфа (суфизма) и литературы, основных свойств и качеств, характерных для узбекской суфийской литературы. В то время как роль тасаввуфа в мировоззрении народов Востока оставалась малоисследованной, И. Хаккуль впервые изучил степень проявления тасаввуфа в узбекской литературе.

Отмечается и вклад ученого в развитие яссавиологии. И. Хаккуль представил широкой общественности множество новых научных фактов о жизни и деятельности Ахмада Яссави, развил идею о том, что полифоническое мышление в узбекской литературе началось с Ахмада Яссави и вышло на более высокую ступень в поэзии Алишера Навои. В ходе анализа работ им аргументирован тот факт, что философские размышления о Родине в узбекской литературе начались именно с произведений Ахмада Яссави.

Деятельность И. Хаккуля по пропаганде творчества Алишера Навои в свое время удовлетворила потребности широких читательских масс и явилась

достойным вкладом в развитие навоиведения. Характерной чертой стиля И. Хаккуля является использование при анализе метода аргументирования. Так, при анализе газелей А. Навои основным является метод аргументирования на основе: а) научных трудов суфийских ученых; б) произведений авторов, повлиявших на творчество Навои, и авторов, на чье творчество оказал влияние Навои; в) собственных произведений ученого.

Формирование специфического научно-литературного мышления и стиля И. Хаккуля происходило поэтапно. Нами отмечено, что многие труды ученого были написаны простым языком, рассчитанным, в числе прочих, на юных читателей. Внимание ученого было направлено на ознакомление широкого круга узбекских читателей с общечеловеческими идеями, которые были воспеты Навои, Яссави и др. Анализ произведений с каждым годом становился все более точным и сложным и переходил от дидактического анализа к чисто филологической трактовке.

*Камалова Ш.Н. (преподаватель “Viva Lingua Club”,
г. Санкт-Петербург)*

РОМАН АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЭЛЬЧИНА ГУСЕЙНБЕЙЛИ «ШАГИ КОМАНДОРА, ИЛИ 141-Й ДОН ЖУАН»

Роман популярного Азербайджанского прозаика Эльчина Гусейнбейли (Гарачуха) повествует о судьбе незаурядной исторической личности – Орудж-бея Баята, снискавшего в средневековой Испании имя Дон Жуана Персидского, участника Великого посольства Сефевидского (Азербайджанского) государства, отправленного Шахом Аббасом Первым с целью расширения связей с европейскими державами.

В ходе исполнения этой миссии с Орудж-беем происходит неожиданная метаморфоза: он принимает католическую веру, участвует в предприятиях и военных походах испанского королевства. Гарачуха Эльчин последовал по его маршруту, стремясь, проникнуться аурой исторической памяти и духа, выстроил свою художественную версию дальнейшей судьбы Орудж-бея Баята.

Почему Дон Жуан Персидский отрекся от ислама, от своего исконного имени? Какие приключения превратности судьбы ожидали его в далекой Испании в кругу аристократической элиты? Автор ищет ответы на эти вопросы, используя амурные и куртуазные сюжетные мотивы, вовлекая в круг своих художественных поисков читателя и попутно затрагивая такие актуальные для сегодняшнего дня темы, как взаимоотношения ислама и христианства, вчерашнего и сегодняшнего Востока и Запада.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ СЕРАЙ ШАХИНЕР «ОДИН:ОДИН»

Последний сборник рассказов под названием «Один:один» (Нерук) молодой талантливой турецкой писательницы Серай Шахинер вышел в 2019 г. и сразу завоевал симпатии читателей. Серай Шахинер (род. 1984) – автор двух романов и нескольких сборников рассказов, отмеченных литературными премиями. Она пишет о простых, заурядных людях, которые окружают нас в повседневной жизни, и на которых мы чаще всего просто не обращаем внимания. Героев рассказов – бездомных подростков, одиноких старушек, уборщиков, посудомоек, танцовщиц в рюмочных и. т.п., объединяет одно: им в жизни выпал «1x1» – наименьшая комбинация при игре в кости. Оказавшись в безвыходной ситуации, они вынуждены позаботиться о себе сами. Понимая, что могут проиграть, они все-таки вступают в игру. Они рискуют, не представляя, чем все это для них закончится.

В рассказах сборника Серай Шахинер касается тех тем, которые не слишком популярны в современном обществе. Это скорее темы, характерные для творчества социальных реалистов 1950–1970-х гг.: ключевой из их является социальная несправедливость, с которой сталкивается «маленький человек» на протяжении всей своей жизни. Композиция двенадцати рассказов сборника строгая и четкая. В ней ощущается ритмичность, свойственная музыкальным произведениям. В каждом рассказе присутствует некое средство связи: телефон, громкоговоритель, газета, иностранный язык и т.д., с помощью которого герой выстраивает отношения с окружающим миром. Рассказы отличает тонкий юмор, цель которого не рассмешить читателя, а позволить ему немного отстраниться от проблемы, посмотреть на нее со стороны и лучше понять: когда все будет позади, герой сможет рассказывать об этом, как о чем-то смешном.

О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЬЕСЫ БЕХИЧА АКА «ГОРОД ДЛЯ ОДНОГО» (TEK KİŞİLİK ŞEHİR)

Доклад посвящен исследованию художественных особенностей пьесы одного из самых известных современных турецких драматургов Бехича Ака (р. 1856) «Город для одного» (Tek Kişilik Şehir, 2002), где он в художественной проекции постмодернистской эстетики изображает жизнь человека мегаполиса XXI в.

В докладе подробно рассматривается сюжетная структура пьесы «Город для одного», образы героев, ее хронотоп и доказывается, что данная пьеса является собой пример постмодернистской драмы.

Делается акцент на традиционной для постмодернистской эстетики «анtifункциональности» действий и поступков героев (Мужчина, Женщина и Официант) и хронотопа. Единственным местом действия пьесы является ресторан, в котором Мужчина сидит в ожидании Женщины – его интернет-знакомой. Люди приходят в этот ресторан, не для того чтобы поесть, а для того, чтобы «красиво уйти из жизни», либо же чтобы лицезреть уход из жизни других; часы не показывают время, вентиляторы не дуют, кондиционеры работают «наоборот» и т.д.

Пространство лишено своих констант, его контуры искривляются: в конце пьесы в ресторане начинают двигаться предметы (Женщина ловит свою сумку и пр.). Таким образом, пространство разрушается драматургом уже и физическом смысле.

Подлинным «пространством» жизни людей становится интернет-пространство: люди никуда не ходят, не покупают реальных вещей: все это заменили образы – типичные постмодернистские симулякры. Как справедливо

отмечает Мужчина, «мы сейчас больше ценим зрительные ощущения, чем тактильные».

Временная организация также устроена таким образом, чтобы полностью дезориентировать и героев, и зрителя: сезоны сменяют друг друга с калейдоскопической скоростью. Пришедшая на смену человеку и избавившая его от необходимости вообще что-либо делать автоматика еле успевает поддерживать «нужный» климатический фон: в ресторане то стеной идет дождь, то сыплются снежинки, то устанавливается тропическая жара и пр. Сами герои не могут сойтись во мнении, какое сейчас время года.

Все эти постмодернистские приемы служат Б. Аку для актуализации основной мысли произведения: виртуальная реальность – это одиночество.

Однако персонажи Б. Ака, как и персонажи других постмодернистских произведений, не испытывают дискомфорта от своего одиночества, от откровенной «ненормальности» их жизни: они принимают ситуацию как данность. В этом заключается главное отличие постмодернистской драмы от абсурдистской.

ОБ ОСВОЕНИИ ИДЕЙ И ОБРАЗОВ СУФИЗМА ТЮРКСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПОЭЗИЕЙ XI–XII ВВ.

Настоящий доклад является частью исследования, имеющего своей целью проследить, на каком этапе развития тюркоязычной поэзии Средней Азии в нее стали проникать элементы исламского мистицизма (суфизма), выявить характер и раскрыть содержание этих элементов – тем, образов и терминов суфизма.

Условия для возникновения новой (мусульманской) литературы на тюркском языке сложились в XI в. в городах Средней Азии, бывших под властью династии Караханидов. Первые известные к настоящему времени образцы этой литературы представляют собой поэтические произведения, созданные по правилам арабо-персидской метрики. В области содержания тюркская мусульманская поэзия при Караханидах с самого своего зарождения испытывала влияние новоперсидской литературы, в частности, произведений персидских поэтов-суфиев XI в.

Первыми известными нам крупными памятниками ранней тюркской мусульманской литературы являются поэма Йусуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), завершенная в 1070/71 г., а также тюркские стихотворные отрывки XI в., приведенные в словаре «Диван лугат-ат-турк» («Собрание тюркских слов») Махмуда Кашгари, созданном в Багдаде в 1072–1083 гг. В «Кутадгу билиг» суфийские идеи отрешенности от благ сего мира, неучастия в земных делах, отшельнического подвижничества как пути служения Богу и личного спасения проповедует один из четырех главных героев – Одгурмыш (букв. «пробуждающий»), брат везира Айтолды. Он ведет жизнь отшельника, всецело отдается воле Бога, отказывается от всех земных желаний. По представлениям теоретиков суфизма XI–XII вв., это соответствует восьмой, предпоследней стадии мистического «пути» - *ат-таваккул* (араб. «отречение от своей воли»). Среди поэтических фрагментов, содержащихся в «Диван лугат-ат-турк», имеются два четверостишия и 11

двустийший, которые можно рассматривать как самые ранние образцы собственно суфийской поэзии, созданной на тюркском языке и получившей дальнейшее развитие уже в XII в., в эпоху деятельности крупнейшего тюркского наставника суфизма Ходжи Ахмада Йасави (ум. 1166) и его последователей. Своей формой эти стихи напоминают отрывки из дивана какого-то неизвестного нам тюркоязычного поэта Восточного Караханидского каганата. Возможно, этот поэт был одним из первых проповедников суфийских идей в тюркской среде. О суфийском характере этих стихов можно говорить, поскольку они содержат взгляды и мотивы, которые впоследствии станут широко распространенными, стандартными в тюркской мусульманской поэзии, проникнутой, как правило, суфийскими идеями. Стихи содержат мысли о быстротечности времени, призывы к аскетизму, жалобы на падение нравов людей, призыв к самосовершенствованию и предостережение от гордости за уже приобретенные добродетели, что перекликается с положениями суфийской школы «людей порицания» («ал-маламатийа»).

Таким образом, в ранний, «караханидский» период истории тюркской мусульманской классической литературы появляются произведения как светского («Кутудгу Билиг»), так и религиозного, суфийского характера. Их авторы, используя образы тюркского и персидско-таджикского народного творчества, осваивали форму изложения и поэтическую метрику, присущую арабской и персидской литературам, проникались общемусульманскими идеями. Мощное влияние на тюркскую поэзию уже в XI в. начал оказывать мусульманский мистицизм (суфизм), произведения персидской поэзии, созданные суфийскими шейхами Хорасана и других областей Ирана, а также другие сочинения, написанные в суфийском духе. В дальнейшем в Средней Азии, а затем в Анатолии и Поволжье получила развитие и собственно суфийская поэзия, создаваемая шейхами, проповедовавшими учение исламского мистицизма. Духом этого учения, его образами проникнута практически вся тюркоязычная поэзия последующих веков, вплоть до нового времени.

**СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА
АХМЕТА УМИТА «САМЫЙ ЛУЧШИЙ СТАРШИЙ БРАТ БЕЙОГЛУ»
(2013)**

Роман отличается необычной для детективных произведений А. Умита структурой. Главному герою произведения комиссару Невзату владелец книжного магазина в Бейоглу вручает книгу «Самый лучший старший брат Бейоглу», которую пишет о нем и для него передает известный писатель-детективщик, имя которого в романе не упоминается, но о котором сказано, что он живет по соседству с комиссаром и очень интересуется теми делами, которые ведет комиссар. Писатель является автором романа «Рапсодия Бейоглу», что отсылает к имени самого А. Умита. Детективный роман «Самый лучший старший брат Бейоглу» представляет собой последнее дело, которое распутал комиссар Невзат в одном из центральных районов Стамбула Тарлабаши. В романе подробно рассказывается, почему среди всех полицейских центрального округа города именно комиссара Невзата называют «самым лучшим старшим братом Бейоглу».

Повествование в романе ведется от лица комиссара Невзата, рассказывающего об убийстве известного в криминально-картежном мире города дельца Энгина Алманджи (Энгин Акча), связанного с игорным клубом «Озтарлабашылылар», который принадлежит Кара Низаму. Энгин Алманджи был убит ударом ножа в сердце рядом с игорным клубом конкурентов «Тарлабашлылар», хозяином которого являлся также известный криминальный авторитет, занимающийся продажей наркотиков Барбут Ихсан (Ихсан Йылдызели). Подозревают, что убийство Энгина Акча связано с устранением конкурентов Барбутом Ихсаном.

Комиссар Невзат ведет расследование в нескольких направлениях, которые рассматриваются очень подробно, что придает объем произведению

(более 400 страниц) – убийство из-за женщины, из-за недвижимости, из-за прежних криминальных связей и т.п. В конечном итоге выясняется, что убийство было совершено музыкантом-кларнетистом Садри Кларнетом из бара «Неше Павйон», который убил Энгина из ревности. Садри был влюблен в певицу бара Азизе, являющуюся любовницей Энгина.

Вся художественная структура романа направлена на раскрытие характера комиссара Невзата – его воспоминаний (гибели жены и дочери), его размышлений о версиях убийства, его поведению среди представителей криминального мира города. Большое место отводится мнению окружающих комиссара людей о том, какой он человек. Роман можно назвать «центростремительным», где любой сюжетный ход и перипетия сходятся на фигуре комиссара.

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК СЕМЫ КАЙГУСУЗ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «МЕЛАНХОЛИК»

В одном из своих интервью турецкая писательница Сема Кайгусуз (род. 1972) сформулировала темы, которые ей интересны в литературном творчестве. Среди них, в частности, она упомянула эмоциональное состояние человека в различных обстоятельствах и его потенциальную возможность к самосовершенствованию. Для творческих размышлений, которыми писательница делится со своей аудиторией, характерна определенная доля абстракционизма и парадоксальности, призванных отчасти поставить слушателя/читателя в тупик, так как из обычных слов автор часто извлекает неожиданные смыслы, не скрывая свою неприязнь к толковым словарям.

Не является исключением в этом плане ее произведение «Меланхолик» (Karaduynun, 2012), жанровая форма которого определена на титульном листе как «повествование». По сути, это – семь рассказов, в которых присутствует автор либо в роли действующего лица, либо повествователя. Название произведения иллюстрирует основную сквозную для тематически разрозненных историй тему печали, которую люди, называемые меланхоликами, проносят через всю свою жизнь. Таким человеком, по мнению С. Кайгусуз, является современная поэтесса Бирхан Кескин (род.1963), которая выступает в качестве некоего связующего звена для всех семи новелл и подразумевается главным героем этого произведения, о чем свидетельствует также эпиграф. Читателю для размышления предлагается цепочка смыслов, несколько искусственно и своевольно подобранных к синонимическому ряду турецких слов, характеризующих человека, испытывающего скорбь, печаль, грусть: *hüzünbaz-melankolik-hüzünlü-kederli-karaduynun*. Последнее слово, давшее название этому произведению, не

значится ни в одном словаре, но по утверждению автора, знакомо ей с детства. Через всё произведение красной нитью проходят такие философски интерпретируемые автором понятия, как сон-смерть-бренность-природа.

ХОДЖА АХМЕТ ЯСАВИ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КАЗАХСТАНА

Доклад посвящен исследованию роли и места суфийского мыслителя, ученого, поэта, духовного наставника всех тюркских народов Ходжи Ахмеда Ходжи Ясави в истории и культуре Казахстана. Ясави – личность известная во всем тюрко-мусульманском мире, начиная с пределов Великой китайской стены и до берегов пролива Босфор: повсюду он почитается в качестве непререкаемого духовного авторитета.

Особое внимание в докладе уделяется родине Ясави – городу Туркестану; уточняется значение этого географического названия в европейской и русской научной литературе. Указывается, что Туркестан играл исключительно важную роль как в период средневековья, так и нового, и новейшего времени. Делается акцент на сакральности места, где расположен Мавзолей А. Ясави, интерес к которому с течением времени не ослабевает, а только усиливается. Описывается происхождение нисба Ясави.

Философское и поэтическое наследие А. Ясави и его роль в истории и культуре Казахстана рассматривается в широком историко-культурном контексте; приводятся сведения, содержащиеся в трудах известных российских и зарубежных ученых, таких В.В. Бартольд, турецкий исследователь Ф. Кёпрюлю и др., в исторических трактатах, в том числе в трактате «Записки Бухарского гостя» известного персидского богослова и историографа Фазлаллаха Исфакани (XVI в.).

*Учгюль Севинч (д.ф.н., Университет Эрджиес, г. Кайсери, Турция;
Суриков К. (магистрант ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)*

Г.Р. ДЕРЖАВИН: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СТРАНИЦЫ ПЕРВОЙ В ТУРЦИИ КНИГИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АВТОРСТВА О. ЛЕБЕДЕВОЙ

Доклад посвящен анализу староосманского/турецкого литературоведческого текста, посвященного выдающемуся русскому поэту, общественному и государственному деятелю Г.Р. Державину. Данный текст размещен в первой работе по истории русской литературы, которая была написана в Турции в 1895 г. русской женщиной-востоковедом Ольгой Лебедевой. Анализ текста осуществляется с формальной и содержательной сторон с применением литературоведческих, лингвистических и переводческих подходов. В докладе исследуются подходы О. Лебедевой, которые она применила при изложении биографии и творческой биографии Г.Р. Державина. Рассматриваются переводы-переложения произведений Г.Р. Державина, которые О. Лебедева осуществила на староосманский/турецкий язык. Лингвистический анализ переводов-переложений (исследование лексических и грамматических особенностей) осуществляется с точки зрения современного турецкого языка. Подход к творчеству Г.Р. Державина О. Лебедевой оценивается с точки зрения историко-литературного и социокультурного контекста эпохи конца XIX в. Оценивается влияние данной книги как первого источника по русской литературе на турецкую культурную среду того периода, актуализируется роль О. Лебедевой в распространении сведений о русской культуре в целом, о жизни и творчестве Г.Р. Державина в частности.

«ЛИСАН УТ-ТАЙР» («ЯЗЫК ПТИЦ») АЛИШЕРА НАВОИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е.Э. БЕРТЕЛЬСА

Е.Э. Бертельс (1881–1957) является одним из наиболее ярких исследователей тюркской классической литературы, благодаря которому был изучен ряд восточных рукописей. Сравнительное изучение взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, определение общей эстетической основы для восточной поэзии дали возможность учёному определить уровень оригинальности и своеобразие тюркской литературы.

Сравнивая творчество Алишера Навои (1441–501) и Фарид ад дина Атгара (1145–1221) Е.Э. Бертельс опроверг мнение западноевропейских и многих российских учёных о том, что Алишер Навои является переводчиком и подражателем персидской литературы. «Рассмотрение поэмы “Лисан ат-тайр”² показывает нам большого художника, мастера слова, способного из данного материала создать оригинальное произведение, но помимо этого художественного дарования мы видим еще человека с широким образованием, огромным житейским опытом, и что для нас еще ценнее, большим сердцем, полным любви, к окружающим его людям и во имя этой любви способным забыть и простить все их недостатки»³

Компаративистские исследования Е.Э. Бертельса дают возможность читателю одновременно получить сведения о нескольких произведениях, ознакомиться со спецификой и методикой работы с тюркскими письменными памятниками. На основе своих изысканий учёный разработал методологические основы изучения рукописей, подготовки научно-критического текста, показал специфику исследований тюркской литературы.

---

² «Лисан ут-Тайр»/ «Язык птиц» — аллегорическая поэма Алишера Навои, на основе персидского произведения «Мантик ут тайр» / «Беседа птиц» Атгара, написанная им в конце XV в. (1499).

³ Бертельс Е.Э. Навои и Атгар // Сборник статей / Мир Али Шир. – Л, 1928.

**ОРГКОМИТЕТ XXIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДМИТРИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»,**

Председатель – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Репенкова Мария Михайловна (mmrepenkova@rambler.ru)

Зам. председателя – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Оганова Елена Александровна (ova8@yandex.ru)

Координатор – к.ф.н., доцент кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна (uni_philology@yahoo.com)

Секретарь – аспирант, переводчик кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова Верхова Ксения Александровна (xeni96muse@mail.ru)

Будем рады дальнейшему сотрудничеству с вами!